

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 12

1983

Зигмунд СКУИНЬ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БОЛЬШАЯ РЫБА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 12

Зигмунд СКУИНЬ

БОЛЬШАЯ РЫБА

*Перевод с латышского
Сергея ЦЕБАКОВСКОГО*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Зигмунд СКУИНЬ

Зигмунд Янович Скуинь (родился в 1926 году) — самобытный латышский писатель, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР. Изучал архитектуру и живопись, позднее увлекся литературой. С девятнадцати лет работал журналистом. Его первые рассказы обратили на себя внимание Вилиса Лациса и Андрея Упита. За роман «Внуки Колумба» в 1965 году присуждена Государственная премия Латвийской ССР. Произведения З. Скуиня переведены на многие языки народов СССР, издавались также за рубежом. На русском языке опубликованы сборники рассказов «Когда приходит любовь» и «Бальзам», романы «Форнарина», «Серебристые облака», «Мужчина во цвете лет», «Нагота», «Горностаи на асфальте». Повесть «Большая рыба» в 1981 году отмечена премией Вилиса Лациса.

БОЛЬШАЯ РЫБА

Все персонажи — литературно-го плана, прямого отношения к конкретным людям, живым или мертвым, не имеют.

А в т о р

1

Когда Магнуса Вигнера разбудил жуткий грохот сначала в окно, затем в какую-то из дверей, он долго не мог прийти в себя. Пospать удалось совсем немного, хотя уже светало и в окно глядело румяное солнце. Но и спросонья он понял: что-то случилось с судном. С его судном, не иначе, и захлестнувший страх подстегивал вскочить с постели, а в то же время и сковывал. Вигнер лежал на большой двуспальной кровати, рядом, заломив руки, выкатив упругую грудь, разметалась Элфрида. Скинув скомканную простыню, он растер лицо ладонями, хотел уж подняться, но при виде своей наготы удержался.

— погоди, — шепнула Элфрида, — я сама.

И, пока Вигнер клял в душе дурацкую ситуацию, теперь уже определенно зная, что-то случилось с судном! — Элфрида, грузная, гибкая, рыжая, точно львица, метнулась на середину комнаты, прикрылась фиговым листком ладони. С пригретой перины пахло теплом.

— Ах ты, господи, — глянув через плечо, усмехнулась Элфрида, подхватила полотенце со спинки стула и выбежала в коридор.

Стук прекратился. Вигнер встал, надел рубашку. Он завязывал шнурки, когда вернулась Элфрида в цветастом плаще внакидку.

— Тебя спрашивают, — сказала она, глядя на него растерянно. — Судно, что ли, там перевернулось.

— Какое еще судно! — воскликнул он, озлобляясь, и почему-то громче, чем следовало.

— Твое судно, — ответила Элфрида, — девяносто девятый.

Вчера при средней моряне тралили салаку. Во второй половине дня ветер стал крепчать, а на закате, когда Вигнер повернул свой МСТБ-99 к причалу, он услышал по радиотелефону, что суда не

выпускают в море. По правде сказать, до шторма было далеко, волну взбивал северо-западный бриз, и Вигнер считал, что ветер скоро уймется. В ту пору еще не было норм улова. Работали по принципу: как можно больше и без простоев. В порт заходили лишь для того, чтобы сдать рыбу и сменить команду. Каждый час, проведенный судном на приколе, бил по плану, кошельку и чести. Вигнер знал, что вечером на берегу их будет ждать сменный капитан Саунаг со своей командой.

Как обычно, сначала подошли к причалу приемной базы. В прозрачных июньских сумерках прожекторы отбрасывали широкие розовато-синие лучи. Чем-то это напоминало киносъемку; кстати, киношники были частыми гостями в рыбацком поселке. К запахам выхлопных дымков, рассола и влажных сетей упорно примешивался нежный аромат жасмина. Вокруг штабелей ящиков с воплями носились чайки. На привычном месте — крыше склада — возбужденно щелкал клювом аист. Из консервного цеха прибежала Элфрида:

— Магнус, не найдется ль у тебя судака, день рождения скоро, водкой уже запаслась, хорошо б и закуской разжиться.

Он ответил, что нет, и, конечно, соврал. Был у него прелестный судак. Но Вигнер вроде бы стыдился ребят. Стыдился Элфриды. Черт его знает, может, и самого себя стыдился. Всяких баб крутилось предостаточно, но лишь в присутствии Элфриды он по-настоящему чувствовал свой мужичкий голод. И не сомневался, Элфрида учуяла это и, выпрашивая рыбину, на самом деле предлагала себя.

Сдав улов, загрузив лед и пустые ящики, девяносто девятый пришвартовался к левому пирсу. Было тесно. Суда стояли борт к борту. Подошел Саунаг со своими принимать смену. Норинь с Вилумсоном, собрав пожитки, сошли на берег. Дайнис Круминьш вылез из кубрика совершенно заспанный. Пятнадцатилетний школьник из Свикере в судовой роли числился «учеником рыболовного промысла на время школьных каникул». Запрячь его в работу нельзя: местком зорко следил, чтобы несовершеннолетних не слишком обременяли. Ученику вменялось в обязанность ходить в рейсы и, поглядывая со стороны, пристраститься к рыбацкой профессии. За каждый такой тур ему платили четыре рубля шестьдесят копеек из культурно-массовых фондов. Для Дайниса это был первый рейс.

— Ну и как, — поинтересовался Вигнер, — не укачало?

Дайнис, позевывая, натягивал пиджак.

— Полный порядок, о чем разговор? — Улыбочка, однако, получилась вымученной. На лбу залегли морщинки.

— Который час?

— Половина двенадцатого.

— Плохо дело, — сказал Дайнис, — последний автобус в Свикере ушел. А нельзя ли до утра полежать в кубрике?

— Судно опять в море пойдет,— ответил на это Вигнер.

Дайнис кивнул своей белобрысой взлохмаченной головой. Лицо у парня вытянулось.

— Дома в общем-то делать нечего,— сказал он,— я бы с удовольствием остался на судне.

Вигнер сдвинул на затылок франтоватую капитанскую фуражку, купленную в заморском порту еще в ту пору, когда ходил в дальние рыболовецкие экспедиции. Почесал лоб, переправил сигарету из одного уголка рта в другой. Дело не так просто, как кажется с первого взгляда. Парнишка занесен в его судовую роль. Но раз автобус ушел и парню некуда деться, что-то надо придумать.

Саунаг согласился. Только вот его комментарии, должно быть, обидели парня. Да и Вигнеру они показались не слишком учтивыми. Впрочем, чего ждать от Саунага.

— У тебя, сынок, гляжу, аппетит разгорелся,— сказал Саунаг,— что ж, неплохо. Зачем довольствоваться четырьмя шестьдесятю, если можно получить девять двадцать?

Домой Вигнер отправился за полночь. Как раз выпускали в море первые суда. Настроение было странное: какое-то томление, беспокойство, недовольство самим собой. Казалось, что-то важное осталось несделанным, но Вигнер никак не мог вспомнить, что именно. У склада сетей распилил бутылку пива с двоюродным братом Вилисом Брижжалном.

— Тебе судак не нужен? — спросил он Вилиса.

— Эээ, ну его к черту, некогда возиться,— отмахнулся Вилис,— завтра поутру в Калининград за сетями ехать.

Он вышел из ворот. Под фонарем с криптоновой лампочкой лениво шелестела нежно-зеленая листва. С опушки леса доносилось верещание земляного рака. Тишина почти осязаемая, плотная, текучая, как туман. И это еще больше будоражило. После нескончаемых окриков радиотелефона, шипения, тиканья эхолота, после стука мотора и ритмичного плеска волн трудно было вжиться в тишину. Он все еще был перенасыщен звуками, тишина оглушила его.

На пустынной улице встретил Элфриду. В двенадцать у нее кончалась смена.

— А, это ты,— усмехнулась Элфрида,— ну подойди, возьми меня под руку, в такой вечер женщине худо одной.

Шутки ради он собрался взять ее под локоть, но Элфрида повернулась, и вышло так, что он неуклюже обнял ее спину. Ого, огромные груди Элфриды всколыхнулись от смеха. Дыхание у нее было свежее, жаркое...

— А знаешь, один судак все же завалился за ящики,— сказал он, открывая портфель. Когда Элфрида взяла в руки судака, тот начал биться. Элфрида жила неподалеку. Он донес судака до калитки. Дальше все разыграли, как по нотам. Около трех ночи мать Элфриды,

прошаркав по коридору к нужнику, на обратном пути остановилась под дверью дочериной комнаты и спросила:

— Не спишь, дочь? Чем там занимаешься? — Элфрида прикрыла ему рот ладонью и потушила свет...

...Выбежав на улицу, Вигнер машинально взглянул на часы. Пять часов тридцать четыре минуты. Щебетали птицы. У Эдвина Врузиса не заводился мотоцикл, со злостью тот пинал педаль, обзывая нехорошими словами свой капризный драндулет.

— Неужели впрямь перевернулся? — спросил Вигнер.

— Да, — ответил Эдвин, — в квадрате 251.

— В чем дело? — спросил Вигнер.

— Спроси чего полегче. — Мотоцикл затарахтел, пыхнув вонючим дымом. Они помчались в порт.

2

Иногда капитан Саунаг рассуждал так:

— Эх, если бы все тралы сшить в один, получилась бы сетка, в которой, как детский мячик, уместился бы шар земной. О большой рыбе мечтает каждый. В моря и океаны под разными флагами выходят все новые суда. Рыболовецкие флотилии растут не по дням, а по часам. На промысел теперь отправляются за тысячи миль. Придумывают все более хитроумные, изощренные способы лова. Гигантские плаучие фабрики без передышки перекачивают в трюмы рыбу, потрошат ее, наполняют ею консервные банки, засаливают, замораживают все, что способно плавать и двигаться в царстве Нептуна. Море — громадная кормушка, нескончаемый рог изобилия. Но, чтобы подобраться к нему, нужны сноровка и находчивость. Слабаков и недоумков норвят оттеснить, тем достаются остатки да оскребки.

И еще капитан Саунаг рассуждал так:

— Эх, все это глупые рассказы, будто рыбы становится меньше. Одна-единственная особь трески в каждый нерест мечет миллионы икринок. Человек вылавливает сущий пустяк в сравнении с тем, что сама рыба поедает. Чтобы молодь лучше росла, морские угодя необходимо прорезживать, как прорезживают сахарную свеклу.

В иерархии океанских и морских рыболовецких судов МСТБ-99, вне всяких сомнений, мелкая сошка. По правде сказать, его и судном не назовешь. Стальная моторная лодка для прибрежного лова. 19,85 регистровых тонны. Длина — 13 м, ширина — 4,27 м, осадка — 1,7 м. Как шутят ребята: ванночка с гребным винтом.

В 2.05, когда на борту появился моринспектор Киришбаум, судно было готово к отплытию. Оба бака залиты горючим, примерно 1600 литров. В бочке бултыхалось 100 литров масла. В трюме находился следующий груз: 40 пустых ящиков для рыбы и 26 ящи-

ков со льдом, каждый весом килограммов на пятьдесят. Кроме того, в ахтерпике лежали два запасных трала и пара запасных траловых досок от 90 до 100 кг каждая, а также кое-какая оснастка до 150 кг. Трюм закрывался обитой жестью деревянной крышкой, державшейся собственной тяжестью. На палубе было сложено примерно 30 пустых ящиков. На корме — трал для салаки и еще один трал для белдюги. Как обычно, на своих местах находился спасательный инвентарь: плот, четыре спасательных круга и четыре пояса.

При осмотре Киришабаум в очередной раз напомнил Саунагу, что, если подойти со всей строгостью, он не имеет права выпускать в море девяносто девятый, поскольку в точке соединения траловой лебедки с двигателем отсутствующий мягкоплавкий штырь безопасности по-прежнему заменен стальным болтом. Саунаг в характерной для него шутливой манере ответил, что хоть он согласен, не везде тугой штырь лучше мягкого, однако лично он пока ничем помочь не может, хе-хе, коль скоро механики во время капитального ремонта нужный штырь не потрудились вставить.

Саунаг считал прибрежный лов баловством и относился к нему соответственно. Не скрывал досады, был желчен, чаще флегматичен. Велика важность — ползает по заливу! После тех уловов, что выгребали на самых знаменитых банках мира. В конце концов никто не вправе требовать, чтобы он, капитан среднего рыболовецкого траулера, принимал всерьез эту рыбалку за третьей мелью. Тогдашнее понижение в должности, смещение с законного поста не давали покоя Саунагу. Да и жена постоянно подзуживала. Они жили в полном довольстве в собственном доме с прекрасным садом камней, были у них две дочери, автомобиль, цветной телевизор, было все, что возможно пожелать. И у самих и у детей. Но жену это не радовало. Ее не покидали подозрения, что у других есть что-то такое, чего у них нет или — не дай бог — лучше, чем у них. Во всем остальном они отлично понимали друг друга и только вот из-за подобных глупостей ссорились и бранились. Бывало, не успеет Саунаг порог переступить, уж она спешит сообщить: «Слышал, Жейдур воротился из дальнего плаванья!» (И это лишний раз служило напоминанием: а тебя не пускают.) «Осис в этом месяце больше всех заработал». (С тобой уже никто не считается!). «Олини покупают «жигули-люкс», старую машину, говорят, продавать не станут, обе оставят себе». (Живут же люди!)

Ленью никто его не попрекал. Даже первую пару штанов, перед тем как пойти в школу, Саунаг купил на собственные деньги. А в вечернюю школу ездил на своем мотоцикле. Это было в маленьком городке Видземе. Там-то впервые и услышал рассказы о баснословных рыбацких заработках. Нет, не настолько Саунаг был наивен, чтобы поверить, будто в дальних морях деньги волной забрасывает на палубу. Но, если не валять дурака, в море можно больше зашибать, чем на суше. И зашибал. Эх, как помнились те времена, когда за

получкой отправлялся с чемоданчиком: кассирша выкладывала перед ним кипы пачек старых, дореформенных купюр!

Споткнулся он на пустяке. Придрался моринспектор, его сняли со среднего, перевели на МСТВ-99. Ясное дело, был не без вины, но все это мелочи. Жизнь не партия шахмат, где можно обдумать десять ходов наперед. Хотел сделать как лучше, а вышло наоборот. Э-эх, ангелы живут на небесах, а рыбу промышляют люди грешные!

Рыба здорово тогда шла, вкалывали почему зря. Без передыху, днем и ночью. А старичье на плавбазе тянуло резину, едва поспевали принимать половину улова. То и дело звучала команда: «Лов прекратить!» Как будто за тридевять морей они тащились киселя хлебать. Не в силах смириться с таким разгильдяйством, он продолжал лов. Надеялся, как-то удастся сбыть рыбу. Ах ты, господи, и чего только ему не пытались пришить: засорение вод, истребление фауны, несоблюдение правил лова, пренебрежение общественными интересами. Его фамилию затаскали по разным решениям и протоколам собраний, отчетам и газетным полосам. Его не просто наказали, наказали, чтобы другим было неповадно. Ох, как он тогда загремел! Что поделаешь, такова селяви.

В 2 часа 30 минут судовую роль оформили, и девяносто девятый в паре с флагманским МСТВ-82 вышел в море. Дул северо-западный — 2—3 метра в секунду. Видимость 4—6 километров. Сквозь грузные, рваные облака помигивали редкие звезды.

Капитан Саунаг снял китель, оставшись в тщательно отглаженной сорочке, и с мрачным видом сел перед штурвалом. Бритая голова с блестящей, словно полированной макушкой казалась на сутуловатых плечах непомерно большой, тяжелой, поскольку почти безо всякого перехода — без шеи — крепилась на туловище. Да и само туловище размеры имело внушительные; недаром о Саунаге шутили, будто он своим лбом пошибал все притолоки в конторе. Более всего на девяносто девятом он ненавидел тесноту, низкие потолки посуды. Тут он просто физически чувствовал, что его загнали, запихнули в нору. И штурвал до смешного маленький. Как ручной тормоз в трамвае. И всегда такое ощущение, будто воздуха не хватает, хотя дверь нараспашку. Отопительная установка перегревалась от мотора, не поддаваясь регулировке. Точнее, регулятор вышел из строя. При желании, конечно, можно было привести в порядок. Но по какой-то внутренней лености Саунаг не удосужился даже выснить причину неполадки. Э, в конце концов ненадолго, покада не снимут с него наказание! Настоящий хозяин судна — Вигнер. И раз Вигнеру любо сидеть в тепле, ну и хрен с ним, пусть жарится! Главное — вернуться на СРТ. Большое, красивое, ладное судно. Он бы отдал лет пять своей жизни, только бы снова услышать, как трубят в тумане траулеры, только бы снова увидеть, как лебедка поднимает полный кут океанского трала, как траулеры — бок о бок — ловят рыбу.

«И я своего добыю,— думал Саунаг,— тут я засиживаться не собираюсь».

МСТБ-99 резво скакал по волнам. Восемьдесят второй держался впереди. Дальше виднелись огни еще двух судов. Кто-то тянулся следом. Саунаг, как условились, шел курсом семьдесят градусов. Карандаш эхолота коричневой линией вычерчивал рельеф грунта. Ползущая бумажная лента папахивала йодом. Радиотелефон попережку со свистом и треском доносил чьи-то разговоры, которые Саунаг научился не слышать.

Жанис Карлевиц в машинном отделении присматривал за двигателем. Гравитис и Дайнис Круминьш торчали на палубе. Немного погоды в дверном проеме рубки показалась перекошенная рожа Гравитиса. Его огромный рот с обветренными губами раскрылся, сверкнув маслянистым блеском золотых зубов. Бессовестная халтура неумелого протезиста, должно быть, обошла Гравитису в кругленькую сумму, в чем не было, однако, ни практической нужды, ни эстетического смысла. Как рассудил Саунаг, золотые челюсти служили Гравитису своеобразной визитной карточкой, на расстоянии сообщая всем и каждому, что материальное благополучие выбило человека из равновесия. В самом деле, Гравитис не знал, что делать с большими заработками. Пил безбожно, в дни рождения сыновей накрывал столы на полтора приглашенных, на могилу матери водрузил трехметровый памятник.

— Слышь, Волдынь, так что будем делать, похоже, трал для салаки надо готовить, как думаешь? — спросил Гравитис. Он никогда не называл Саунага ни капитаном, ни Саунагом, даже полным именем — Волдемар. А все только Волдынем. Оскорбительная фамильярность проявлялась и в другом: уж очень Гравитис кичился рыбацкой профессией, на каждом шагу демонстрируя свою независимость, которая, возможно, коренилась в его семейных традициях потомственных рыбаков.

— Все мы тут свои ребята, рыбаки,— любил повторять он,— в одних водах плаваем.

— Что ты сказал? — спросил Саунаг, пренебрежительно глянув на плюгавого мужичонку. Гравитис повторил то же самое погромче.

— Да-да, готовь трал для салаки,— отозвался Саунаг.

Потом в рубку зашел погреться Дайнис Круминьш. Довольно долго молчали. Саунаг делал вид, будто не замечает парня, хотя на ветровом стекле четко пропечаталось его отражение. Ему очень хотелось сказать Дайнису что-то приятное. Пусть не думает, будто попал к злодеям. Должно быть, парень устал, а завалиться спать вроде неудобно, да и в кубрик спускаться через рубку.

— Полезай-ка в кубрик, сосни часок,— сказал ему Саунаг,— начнем трал выбирать, тебя разбудят.

А Дайнис, как на первом свидании, морща лоб и шевеля бровя-

ми, глухим, срывающимся голосом ответил, что спать ему не хочется, но он с удовольствием почитает жутко интересную книгу.

— Какие же книги тебя интересуют?

— Разные, но эта про китов.

И тогда Саунаг сказал, что мясо у китов почти как говяжье, только волокно покрупнее. А когда кита гарпунят, это больше похоже на войну, чем на промысел: громяют пушки, рвутся гранаты, дым и кровь.

— Одна банка китовых консервов у меня дома завалилась, если тебя киты интересуют, я принесу.

Дайнис, насупившись, смотрел в темноту, будто не расслышал слов Саунага.

— Если не считать людей, киты единственные на земле млекопитающие, которые умеют петь, — сказал он. Саунаг громко рассмеялся.

— Что ты говоришь, сынок, и о чем же они поют?

— Не знаю, — ответил Дайнис. — Пока еще не установлено. Но думаю, о том же, что и люди, — о радостях, о горе. У китов растут борода и брови, честное слово.

Они немного поговорили, потом Дайнис спустился в кубрик.

«Какой он все же маленький, — подумал Саунаг, проводив его взглядом, — прямо недоросток». Позднее, когда судно подняли со дна и Дайнис Круминыш лежал в море на столе, выяснилось, что не такой уж он был низкорослый. Механик Жанис Карлевиц оказался всего на три сантиметра выше.

3

В золотую пору рыболовства отец Жаниса Карлевица, инженер-строитель по профессии, перебрался из Риги с семьей в рыболовецкий колхоз — возглавить строительство. Мать поначалу жила дома, занималась главным образом Жанисом — тот всегда был ухожен, обласкан. В школе успевал хорошо, поведения был отличного. Учился играть на пианино. С ребятами водиться мать ему запрещала. Не оттого, что боялась дурного влияния, просто считала это пустой тратой времени.

— Лучше займись стоящим делом, — говорила она, — ну, разбери хотя бы партию шахмат, послушай пластинку, полистай географический атлас.

Одноклассники на Жаниса смотрели как на диковину. На уроках физкультуры издевались над его немощью. На улице потешались над его вязаной шапочкой с помпоном и черной нотной папкой с силуэтом Ветховена.

Уязвленный, разобиженный Жанис замкнулся в себе. Хорошие отметки ему не доставляли радости, он хотел во всем походить на других ребят, чьи отцы уходили в море, а не как его — просиживал штаны в конторе. С Жанисом произошла разительная перемена:

образцовый тихий ученик на уроках стал дерзить, проказничать, а когда вызывали к доске, говорил, что ничего не знает, не понимает. И дома откалывал номера. Оказалось, под школьной курткой Жанис тайком носит телняшку. Оказалось, Жанис вместо того, чтобы ходить к учителю музыки, связался с каким-то типом, который дает ему кататься на мопеде.

Не помогли ни отцовская строгость, ни попытки матери отыскать спасительные советы в книгах всемирно известных педагогов — выправить Жаниса не удалось. Можно подумать, кто-то сглазил парня. О школе говорил с презрением, бегал с уроков, не готовил домашних заданий. Завелись дружки, то и дело исчезал с ними куда-то, домой нередко возвращался грязный, оборванный, но довольный собой, оживленный.

— Интересно, как ты думаешь жить дальше? — при очередной стычке спросил совершенно потерянный отец.

— А очень просто, — ответил Жанис, — пойду в море, буду ловить рыбу и зарабатывать не меньше, чем ты со своим дипломом. А то и побольше.

В одиннадцатом классе Жанис влюбился. Роман развивался бурно и с самого начала обрел иной характер, чем те поверхностные увлечения, что у него бывали раньше. Темноволосая Арита, несмотря на неполные восемнадцать лет, стояла твердо на своем: все или ничего. Известную роль, несомненно, сыграло то обстоятельство, что Арита жила в уютном доме, можно сказать, одна: отец на морях и океанах гонялся за Большой рыбой, болезненная мать каталась по курортам, санаториям.

Арита решила стать филологом и сразу после выпускного вечера засобиравшись в Ригу. Посадив ее в автобус и подождав, пока он отъедет, Жанис бросился домой, покидал в чемодан кое-какие вещички и со следующим рейсом отправился следом за ней. Ради Ариты он бы дал себя распилить тупой пилой, так почему бы ему тоже не пойти учиться? Да-да, он поступит учиться. Все равно куда, лишь бы находиться рядом с Аритой.

На первом же экзамене он провалился, и постыднейшим образом: запас его знаний был попросту жалок. Почти месяц слонялся по Риге, пытаясь прийти в себя. Но домой вернулся, утешаясь тем, что не навеки же вечные уехала Арита.

Неудача с институтом заронила в Жанисе мысль попытаться как-то иначе проявить себя, причем немедленно.

— Ну, погодите, я вам покажу, — в душе грозил он некоему абстрактному противнику, который в его воображении то принимал многоликий образ экзаменационной комиссии, то виделся в обличье школьных учителей или сердитой отцовской физиономии.

Больших денег заработать он не успел: той же осенью призвали в армию. В общем, Жанису повезло: его взяли на флот, окончил курсы

мотористов-механиков, получил соответствующий диплом. Если Жанис в течение недели не имел от Ариты писем, он ходил сам не свой. Терял аппетит, то и дело заглядывал в календарь.

На третий год службы от Ариты пришло сухое письмо, извещавшее, что обстоятельства, к сожалению, сложились непредвиденным образом: на прошлой неделе она расписалась с Харием, в чем просила ее извинить. Жанис кинулся к командиру и вымолил отпуск. Была как раз метель. Два дня он просидел на чемодане на маленьком северном аэродроме, как в жутком бреду прокручивая самые дерзкие планы по возвращению Ариты.

Из рижского аэропорта сразу поехал к Арите. Дверь оказалась запертой. Часа четыре он простоял перед домом. Наконец увидел их, Аritу и этого, как его там, Хария. Они шли, держась за руки, не сводя друг с друга глаз. Жанису хотелось дать очередь из автомата, швырнуть противотанковую гранату, взорвать заряд в полтонны весом. Но вместо этого он своим оковеневшим кулаком превратил бесспорно симпатичную физиономию Хария в рожу огородного пугала. Оставшуюся часть ночи просидел на подоконнике в чужом подъезде, стена и плача, как первоклашка, опоздавший на экскурсию.

Утром Жанис отправился в рыбацкий поселок. В деревянном сарае, в сундуке, вместе со школьными учебниками хранилась простыня. В тот раз Арита торопилась убрать ее с кровати — в любой момент могла нагрязнеть мать. Арита велела ему спрятать простыню, чтобы потом выстирать и незаметно положить в шкаф. С тех пор простыня лежала в сундуке вместе с книгами. И вот теперь Жанис упаковал простыню, приложил записку, объясняющую, что это его свадебный подарок, и в последний раз в жизни написал тот адрес, который ему снился по ночам.

После службы Жанис вернулся домой, широкоплечий, с небрежной моряцкой походкой, с ухмылкой бывалого человека на упрямо поджатых губах. Вскоре устроился механиком на МСТБ-99. Исход романа Жаниса с Аритой ни для кого не был секретом, а потому девицы оживились: вернувшийся из армии парень — это ж беспроигрышная лотерея. Выигрыш обеспечен, только вопрос — кому!

На деле все обернулось иначе. В первый вечер с танцами Жанис, не спеша и основательно оглядев цветущие женские кадры, направился в буфет и демонстративно подсел к Жанете. Тем самым многое было сказано, если принять во внимание то обстоятельство, что Жанета, по общему мнению, была потаскушкой из Риги, которая, польстившись на тугие кошельки, уже несколько месяцев кряду якобы гостила у бабки, на самом же деле браконьерствовала в здешних водах. Когда Жанис и в последующие дни стал появляться в обществе Жанеты, прошел слух, будто парень не в своем уме. Иные остряки называли

даже причину: мол, виной всему вибрация на быстроходных катерах, похоже, Жаниса там здорово порастрясло.

В действительности Жанис все еще любил Ариту. Не могло быть и речи о том, чтоб кто-то сумел ее заменить. В то же время он знал совершенно точно: Арита с Харием, Арита все дальше уплывает от него. Жесткие муки, безутешная боль, схлестнувшись в точке пересечения, закрутили такую воронку, что все пошло кувыркком, и он шараялся из одной крайности в другую. Жанис боялся, как бы кто не продал истины, не подметил его слабость. Скопившаяся горечь находила отдушину в цинизме и презрении. То, перед чем Жанис некогда трепетал, благоговел, теперь он проделывал с холодной методичностью, получая удовольствие от постылого равнодушия, вызывавшего злорадство, а заодно иллюзию, будто ему удалось побороть чувства, унижавшие его в собственных глазах.

Вся жизнь превратилась в подготовку к некоей воображаемой встрече с Аритой; рано или поздно такая встреча должна была произойти. Дома их родителей как стояли, так и остались рядом. Если даже им самим не суждено встретиться, все равно когда-нибудь Арита да спросит: «Как там Жанис поживает?» И тут такое услышит, такое узнает! «Неужто он нисколечко по мне не скучает?» «Жанис? По тебе? Ха, ха, ха! Знала бы ты, что Жанис выкаблучивает...»

Он купил себе машину. Не новую, изрядно уже послужившую. Но именно такая и была ему нужна: со снятым для гонок глушителем и потому грохотавшая, пестро раскрашенная. Легковых машин в поселке косой десяток, на них никто не обращал внимания. А драндулет Жаниса нельзя было не заметить. Сам он садился за руль в фирменном джинсовом костюме. На руках перчатки с дырочками. Темные очки фирмы «Макартур». Спутницы частенько менялись, энтузиасток для автопрогулок хватало. Впрочем, прогулки эти не были дальними. До ресторана в райцентр или на тот же километраж в другую сторону. Ах, да! Перед экскурсией Жанис притормаживал возле аптеки, где демонстративно покупал презервативы. Это тоже входило в программу, из которой он не делал тайны ни перед теми, кто наблюдал со стороны, ни перед теми, кто сидел рядом или только зарился на это место. Все делалось именно так, как хотел Жанис. Ха, ха, ха! Знала бы ты, Арита, что Жанис выкаблучивает!

На работе он бывал собран, деловит, немногословен. Превосходный специалист. Только жаль, от частых экскурсий, недосыпаний совсем отошел. По ночам, когда Саунаг и Гравитис отдыхали в кубрике и был черед Жаниса сидеть за штурвалом, его иной раз до того клонило в сон, что он, боясь задремать, кусал пальцы, бился лбом о штурвал. Однажды, надо думать, все же задремал, потому что судно вдруг оказалось на мели, брюхом забившись в песок.

И этой ночью у Жаниса было ощущение, будто ото сна его отделяет тонкий волосок, будто он висает над туманными провалами сна, как

паук на паутине. Удивляться нечему: за последние сутки спать довелось совсем немного.

Все шло в соответствии с программой. Хотя, по правде сказать, с самого начала что-то было не так. Стоило Жанису взглянуть на Эрмину, как ему становилось неловко, будто у него нос измазан или ширинка расстегнута. К тому же Эрмина далеко не красавица. Уж если быть совсем откровенным, то и мелковата тоже. В общем-то он предпочитал с большими габаритами. И чего тогда прицепился к ней в универмаге, девчонок там было навалом! Что ни прилавок, то секс-мадонна. Ему почему-то казалось, Эрмина скажет «нет». И это распалило любопытство; от этих кивающих с готовностью его уже воротило. А Эрмина перепутала все карты. Вела себя как ненормальная. Краснела, пожимала плечами. В машине сидела, забившись в угол, слова из нее не вытянешь. А разве сам он не вел себя как помешанный? В общем, рехнулся!

Но все это пустяки по сравнению с тем, что было дальше. Когда под утро в сенном сарае на лугу Эрмина рассказывала о своей несчастливой любви и плакала, много ли доставало, чтоб он и сам ударился в слезы.

— Ты извини меня, ради бога,— сказала она,— но я с тобой поехала только затем, чтобы досадить ему. Господи, какая я гадкая! Тебе этого не понять!

И тогда Жанис сказал, что он понимает, даже очень понимает. И еще он сказал, что совсем она не гадкая, а вот он действительно мерзавец. И принялись наперебой поверять друг другу свои горести, уже ничего не скрывая. И утешали и жалели друг друга. Дичь какая-то!

Однако в полдень, возвращаясь домой, безмерно усталый, притихший, он вдруг осознал, что снова счастлив. Почти всю дорогу молчали, но он чувствовал на себе взгляд Эрмины. Наконец-то он свободен от Ариты. Арита перестала существовать. И разве Арита могла сравниться с Эрминой! О том, что будет дальше, он не имел ни малейшего представления. Ведь Эрмина его не любила. Эрмина любила другого, который был немного, совсем немного похож на него. И все-таки Жанис был счастлив.

Духота машинного отделения, однообразный стук мотора клонили в сон. Мысли отяжелели, загустели, замедлились. В мыслях своих Жанис видел Эрмину, видел дорогу с яркой зеленью берез по обеим сторонам, но живое изображение понемногу превращалось в застывшую фотографию, потом все затянуло молочным туманом. За его пеленой где-то мерно накатывали волны, маслянисто-блестящие, теплые. Глаза сами собой слипались, голова опускалась, ныли шейные позвонки. Сон засасывал, затягивал, обжимал и стискивал, искушал, манил, призывал. Жанис отбивался от него, стараясь удержать отяжелевшие веки, но удержать их было невозможно.

Тогда Жанис поднялся на палубу, остановился перед траловой дугой. Ночная прохлада и ветер сразу освежили голову. Было что-то около трех. На востоке занималась заря. Носились чайки, на фоне темного неба казавшиеся черными.

Подошел Гравитис. В резиновых штанах, резиновой робе. Кукла резиновая. К тому же издавал еще какой-то кукольный не то писк, не то свист, по привычке звучно втягивая воздух сквозь свои золотые челюсти.

— Ты гляди, как дымится вода,— сказал Гравитис,— возьмем нынче Большую рыбу, это точно. На такие вещи у меня есть нюх.

Жанис бросил в рот пару витаминных горошин. Гравитис презрительно поморщился.

— Фу ты, черт, как ты можешь глотать эту пакость! Прикончат тебя бабы, как пить дать, прикончат,— сказал Гравитис.— От сна имеется одно лекарство, старое, проверенное. На-ка, отхлебни из флажки!

— Не хочу,— сказал Жанис,— да и ты бы воздержался. Капитан учует, не поздоровится тебе.

Гравитис громко фыркнул: — Настоящим рыбакам Волдынь ни хрена не сделает. Не он рубли нам зарабатывает, а мы ему.

В 3.48 они вдвоем вошли в штурвальную рубку. Саунаг в тот момент по радиотелефону говорил с Рупейком, капитаном восемьдесят второго. Условились, что будут тралить курсом сто тридцать три градуса.

Гравитис, сопя, побрякивая, чинил надломленную сигарету. Жанис держался вблизи открытой двери, сон опять наседавал.

— Ну, пожалуй, пора,— сказал Гравитис, сплевывая табачные крошки. Сунул в рот сигарету, повернулся к Саунагу, всем своим видом показывая, что хочет прикурить. Саунаг демонстративно отвернулся, но перекинул через плечо коробок со спичками.

— Послушай, механик,— обратился Саунаг к Жанису,— что там со штифтом безопасности? Киришбаум опять разорвался.

Жанис пожал плечами.

— Штифт, которого они требуют, сейчас нигде не достать,— ответил он.— И хорошо, что не достать. Не то бы вареная эта морковка полетела при первом же крупном улове.

А Гравитис, довольно бессвязно мешая слова и мысли, объявил, что настало время Большой рыбы и что сегодня их лодочка будет до краев полна. Киришбаум — бумажная душонка, что он смыслит в нашем рыбацком деле? Ему самому не мешает в одно место вставить штифт безопасности. Чтобы поджилки не тряслись. Саунаг смерил Гравитиса строгим взглядом, однако ничего не сказал.

В 4.10 начали выметывать трал. Саунаг остался у штурвала. Жанис стоял у лебедки лицом к лицу к корме. Гравитис снял с петель траловые доски; с шумом, всплеском они опрокинулись в море.

Скрежеща, закрутился барабан лебедки. На двух стальных ваерах кутец тянулся теперь за судном, подобно хвосту. Ваера выпустили до отметки двести пятьдесят метров.

Когда трал был в море, круглые часы с двадцатью четырьмя делениями в штурманской рубке показывали 4.30. Те самые часы, что остановились в 5.18, обозначив момент, когда судно перевернулось. Капитан МСТБ-82 Рупейк на следствии сказал, что МСТБ-99 перевернулся в 5.15. Никаких противоречий тут не было, три минуты часы могли идти и под водой.

4

— Ну вот, трал в море, начинаем лов. — Подзаправившись из флаги, Гравитис облокотился на поручень. Там, где скользил под водой кутец, за судном бежал по волнам огненно-красный буй. Эта картина — по голубым волнам бегущий красный буй — всегда вызывала в Гравитисе детскую радость. Он про себя рассмеялся, даже языком прищелкнул: — Поехали! Жми на всю железку.

В этой радости было все: и облегчение оттого, что трал уже в море, а сеть наполняется рыбой, и удовлетворение от сделанной работы, размеренного хода судна. Еще было что-то такое, что невозможно передать словами. Приятное щекотание в груди. Красный буй — его флаг, его талисман. Гравитис выловил буй в океане в те времена, когда ходил за рыбой в далекие моря. С тех пор повсюду возил с собой грушеподобного красавца, привязывая его к каждому тралу, с которым случалось работать. Об этом знали все и называли его просто бум Гравитиса.

В семье было семеро детей, Бенямин рос последышем. Башмаки ему всегда доставались на размер-другой больше, штаны великоваты, рукава у пиджака потертые, обтрепанные. Ему ничего не покупали, приходилось донашивать, что не годилось братьям и сестрам. По ночам он иногда просыпался от голода и, глядя в окно на яркий месяц, мечтал о жирной пышке или ломте белого хлеба. И еще запомнилось: после того как молния шибанула в молельню и похожая на сарай постройка сгорела, собрания секты в поселке некоторое время проходили у них дома. Сестра матери, тетя Кристина, которой он побаивался, закотив глаза, каталась по полу, рвала на себе волосы, не своим голосом причитая, что опять ей в сиянии риз господь бог привиделся.

До школы приходилось топать шесть километров. Дети из рыбацкого поселка там были в меньшинстве. Деревенские ребята им прохода не давали, обзывали чешуей и водяными крысами. Лучшие места считались в глубине класса, подальше от учительских глаз. По давней традиции, задник парты занимали деревенские ребята.

Беньямин об этом, разумеется, знал, но в первый день занятий он старчески шаркающей походкой, появившейся оттого, что обувка всегда была не по размеру велика, он прошел весь класс и сел на последнюю парту. На переменке деревенские его здорово вздрючили и велели попросить разрешения учителя пересест в первые ряды. Но Беньямин упрямо вернулся на занятое место.

Вскоре после войны он вместе с отцом и старшими братьями стал ходить в море. Сидел на веслах, тянул невод, ставил верши. Промокал, промерзал до костей, семь потов спускал. Резиновых сапог тогда было не достать, гнилые льняные сети рвались, запутывались. Рыба держалась в цене, однако жизнь рыбаков в их округе мало изменилась. Поселок стоял в стороне от дорог и городов. Рыболовные снасти приходили в негодность. Начальники попадались нерадивые. Да и уловы были невелики.

На волостных гуляньях отношение к рыбацким парням было то же, что когда-то в школе: их едва за людей считали. Девушки задирали носы, танцевали с ними с таким обиженным выражением на лицах. Да они и сами не шибко задавались, топтались у буфетной стойки или подпирали стены в зале.

Крепость денежного ветра Беньямин Гравитис ощутил настоящим год-другой спустя, когда его бригада получила становой невод и появились деревянные траловые баркасы. Рыбаки еще толком не верили ни в большие уловы, ни в крупные заработки, однако торговые деятели тотчас уловили смену конъюнктуры и дважды в месяц посылали в поселок автолавку с дорогими товарами; деревенским они в ту пору были не по карману.

Переклеенные бумажными лентами пачки тогдашних большущих купюр, которые кассир раскладывал перед ним, Гравитис воспринимал не иначе как воздаяние за перенесенные обиды. В растущих заработках он видел возросшую ценность своей персоны, и это понималось им как символическое извинение. Самодовольно похихатывая, Гравитис перебрал дорогие костюмы, ощупал шелковые сорочки, модельные штиблеты. Примерил несколько шерстяных жакетов, повертелся перед зеркалом, но в конце концов купил пару золотых часов, надел на каждую руку по штуке и, давась от смеха, отправился домой.

Акции парней из рыбацкого поселка на глазах повышались. Теперь они расхаживали франтами, некоторые даже вырядились в темносиние форменные кители с золочеными шевронами. А Гравитис на танцы нарочно являлся в длинных резиновых сапогах. Нет, он не мелочился. Когда буфетчица спрашивала, сколько у тебя сегодня в кошельке, он отвечал: на что нам, рыбакам, кошелек. И, запустив руку за отворот сапога, вытаскивал хрустящие сотенные.

Он одним из первых вызывался отправиться на море за Большой рыбой. Что говорить, на прогулку это было мало похоже. То и дело

штормило, палуба в воде или в наледи, кожу на пальцах вечно саднило, будто по ней прошлись наждаком. Но тогда им казалось все ничем: четыре часа работали как заводные, четыре часа спали как убитые. Столько рыбы Гравитис в жизни не видел. Рыба под ногами, рыба в руках, некуда деться от рыбы, иногда страшно становилось, как бы рыба их не засыпала, не придавила, не придушила.

Все прежние мерки казались устаревшими, представления — отжившими. Вкалывать, конечно, приходилось почем зря, того гляди, как бы грыжу не заработать. Но вместе с тем они становились участниками увлекательного приключения. Каждый день приносил что-то новое, невиданное. Происходило чудо открытия мира. В них словно вселился, ожил дух морских бродяг, которые когда-то на утлых суденышках вдоль и поперек изборождали океаны, оставив в рыбацких поселках расцвеченные романтическими легендами воспоминания, диковинные трофеи, еще хранившиеся в некоторых домах. А когда возвращались домой, их, как героев, встречали с музыкой, цветами и флагами. Они и в самом деле чувствовали себя героями. Одно их судно за четыре месяца вылавливало столько рыбы, сколько вся рыболовецкая артель вылавливала прежде за год.

Вот тут и началось купание в деньгах. Никто не желал знать, какой ценой достались эти деньги. Все спрашивали, сколько они получили. Гравитис появился у окошка кассы в своих единственных штанах, единственной вязаной кофте — прямо с судна. С окладистой бородой и курчавой шевелюрой. Небрежно покидав в картуз денежные пачки, рассовав их под мышки, он прямой дорогой направился в «Ветерок». Как при затяжных метелях, недели полторы, а то и две шла сплошная круговерть. При полном оркестре. В радиусе примерно ста километров. Затем как-то поутру, все в тех же штанах и в той же вязаной кофте, Гравитис, чуть живой, подсел к столу в одной из забегаловок и был немало удивлен, когда за отворотом сапога не нашлось ничего, кроме каких-то фотографий, бумажек с неразборчивыми адресами. К счастью, в той столовой работала кассиром Миньона, с которой они целую зиму чуть свет по глубоким сугробам брели в школу.

— Ну дела, — сказал он Миньоне, — сейчас бы в самый раз хватить чего покрепче, да вот беда, в кармане пусто.

Румяные щеки Миньоны еще больше зарумянились.

— Нельзя так жить, — сказала она, достав из верхнего кармана белоснежного халата ослепительно-белый платочек и высморкав в него свой внушительный нос. — Неужто нет никого, кто бы мог тебя приструнить?

Он ответил, что приструнить его в самом деле некому. Миньона подкармливала Гравитиса в продолжение нескольких дней, в общем, он все время торчал в столовой. Покуда они не собрались оформить брак.

— Бенъямин, ты спятил, что ли? — издевались парни. — Взять в жены самую толстую девушку в поселке, ведь она ж тебя своим весом придушит.

— Заткнитесь, — со смехом огрызнулся Гравитис, — что вы в этом деле смыслите. Вы бы лучше поглядели, какая у нее коса!

Волосы у Миньоны действительно были вне конкуренции. Коса толщиной и цветом — прямо морской канат. По самый пояс. Когда Гравитис, как на гребне горячей волны, барахтался на жене, она ему вокруг шеи обматывала косу, жарко нашептывая в ухо:

— Никуда тебя не пущу, никуда не пущу.

Не тут-то было, Гравитиса ничто не могло удержать. Вскоре он забеспокоился и опять подался за моря рыбачить. Когда же воротился героем домой, на берегу его встретила жена с ребенком, тогда еще, правда, в спаренном варианте. Такое событие нельзя было не отметить, и опять пошли гулянки. С той только разницей, что часть денег все же досталась жене. Дом требовал капитального ремонта, предстояло множество покупок, начиная с отопительного котла, бойлера для кипячения воды и кончая детской коляской, пеленками. Так что теперь его тянула в море не только романтическая тоска, но и вполне реальная нужда в стопках денег. Болтаться без толку на берегу не имело смысла, он решил отправиться в рейс.

Он любил и жену и детишек (позже к первенцу прибавилось еще двое парней), однако любовь его в основном проявлялась в добывании денег. Да он не представлял себе, что любовь может проявляться как-то иначе. Трудности преодолевал с мыслью: «Конечно, тут несладко, но, когда ворочусь домой и покажу, сколько заработал, мамочка обрадуется. И у Артурчика будет всего вдоволь, и Эдвард оденется с иголки, и Робис сможет бренчать на пианино». Такими и тому подобными мыслями долгие месяцы перемогая тоску по дому, как перемогают закоренелый ревматизм, — да, был и ревматизм, как же без него, — Гравитис чувствовал и надобность и важность своей работы. Во время побывок на берегу он места себе не находил, его угнетала мысль, что он попросту путается у всех под ногами. В самом деле, кому он тут нужен? Все улаживала мамочка. Когда что-то требовалось, дети обращались к ней. Что ж ему еще оставалось? Только водку хлестать.

Вернуться в море на первых порах представлялось спасением, пока опять не подступала тоска по дому, а это помогало работать на полную катушку. Но с каждым разом переключаться становилось труднее. На берегу он привык не считать бутылки, и строгости корабельной жизни по части алкоголя переживал болезненно. Раздражался. Донимал озноб. После вахты мучила бессонница. Казалось, пульс то скачет, то падает. С открытыми глазами Гравитис ворочался на койке, шупал пульс, и его прошибало холодным потом. Никак не мог отделаться от страха: вот сейчас что-то произойдет, сейчас должно случиться что-то

ужасное, непоправимое. Пока работает на палубе, самочувствие, в общем, сносное, но стоило спуститься в кубрик, все начиналось сначала. Наперед уже знал: глаз ему не сомкнуть. Выручала водка — все как рукой снимало. Но в дальних рейсах спиртная панацея становилась дефицитом. Гравитис хирел на глазах, пожелтел весь, скукожился, пыхтел, побрякивал. В конце концов медкомиссия признала его для дальних рейсов непригодным, и он перешел в бригаду прибрежного лова.

Постояв у поручня, полюбовавшись бегом красного бую, Беньямин Гравитис достал из нагрудного кармана флягу и, привычным жестом отерев губы, отпил примерно треть содержимого. Его объяла, окутала нежная истома. Будто ароматным ветром повеяло с берега. Душком пивного солода. Теперь появилась надежда, что до выборки трала удастся соснуть часок. Для верности Гравитис отхлебнул еще немного. Самому себе разве жаль?

Небо уже полыхало огнями, всходило солнце. И месяц желтел лотем брюквы.

— Молодой месяц светит с вечера, старый — поутру, а полный — всю ночь напролет, — вслух продекламировал он. Это была отцовская шутка. А конец у нее такой: лучше быть молодым, чем старым.

«Сейчас в самый раз задать храпака, — подумал он. — Начнем трал выбирать, придется попотеть». Сдавать стал в последнее время Гравитис. Чуть перенапрягся, появлялось желание присесть, дух перевести, дать себе роздых. Поясницу ломило, суставы ныли, ноги казались свинцовыми. Хотя в подобных слабостях он и самому себе не признавался, делал вид, что просто покурить захотелось, вытереть пот, подтянуть ремень потуже.

Вот и теперь Гравитис не мог побороть колебаний. Он прекрасно понимал, что торчать сейчас на палубе нет ни малейшего резона. В то же время упорно изыскивал хоть какой-нибудь предлог, чтобы еще покрутиться здесь. Взвинченное с помощью градусов настроение понемногу переходило в строптивость, самомнение. Он заглянул в рубку вовсе не для того, чтобы оттуда спуститься в кубрик и завалиться спать. Теперь был самый подходящий момент выяснить отношения. Гравитис поцокал языком. Когда Саунаг повернулся к нему, он подмигнул сначала одним, потом другим глазом. И, наклонившись, дохнул на капитана.

— Ну-ка, Волдынь, отгадай, что за марка, а? Черта с два ты отгадаешь! Восьмирублевая, пшеничная. Со Знаком качества. Дать попробовать, хочешь?

Саунаг поморщился, этого еще недоставало — препираться с Гравитисом!

— Иди-ка ты поспи, скоро трал выбирать, — сказал он. Но Гравитис ответил, что спать ему неохота, и добавил, что Волдынь сам похож на сонную муху.

— А что, Волдынь, может, вправду соснешь чуток. Или думаешь, я эту калошу хуже тебя проведу. Да я тут каждый камешек знаю. По нюху ориентируюсь. У меня, слышь ты, компас вот здесь, в носу, сидит. А ты и в жиденкий туман с эхолотом в придачу в порт не войдешь. — И Гравитис опять стал гримасничать, подмигивать, хихикать. Сауна краснел от злости, переминался с ноги на ногу и уже довольно резко и презрительно повторил, чтобы Гравитис вместо того, чтобы болтать ерунду, отправлялся спать. Но Гравитис не слушал, он гнул свое:

— Много ли ты, сухопутный человечиска, смыслишь в салаке? Сколько тебе было лет, когда впервые увидел салаку? А меня мой батя премудростям лова обучал еще тогда, когда я толком и говорить не умел. Помяни мое слово, черпать на сегодня рыбу большим ковшом. Идет салака, понимаешь. На нерестилищах в мае было холодно, салака и не шла. А этой ночью волна прямо дымится, это кое-что да значит, понимаешь? Салака не дура, салака поумней тебя. После зимы она идет к берегу погреться — то ледяная салака. Потом салака идет, когда лист раскрывается. То весенняя салака. Сейчас же идет гигантская салака. Сильно припоздала, но идет. Затем пойдет жирная салака, осенняя, понятно? А ты сумел бы песчанку отличить от ледяной салаки? Черта с два отличишь! Да и вообще, ты знаешь, что такое песчанка? Ею раньше как наживкой пользовались. Еще в ту пору, Волдынь, когда ты моря в глаза не видел и окучивал картошку в огороде.

Через полчаса, не раньше, когда он всласть наговорился и алкогольный допинг понемногу стал проходить, Гравитис заметно поостыл. Да, теперь он наконец, позевывая и потягиваясь, спустился в кубрик.

Под потолком светила засиженная мухами лампочка. Круминьш спал на верхней койке справа. Одна нога свесилась через край, как в былые времена у лихача на дрожках. «Не загремел бы парень», — подумал Гравитис, приподнимая голую ступню и отпихивая спящего поглубже к стене. Дайнис Круминьш во сне почмокал губами. Из-под подушки выпала книжка и шлепнулась на пол.

Жанис Карлевиц распластался на койке под Дайнисом. Лежал на животe, уткнувшись головой в подушку.

Гравитис присел на нижнюю койку слева. Спустил резиновые штаны, снял резиновую робу. Стянул резиновые сапоги. Шибануло кислым запахом пота. И опять, как клопы из щелей, полезли страхи: устал я, как собака, а заснуть не смогу. За переборкой тарахтел мотор. Металлическая переборка дрожала. «Не уснуть мне, — подумал Гравитис. — Не уснуть». Он совершенно отчетливо чувствовал, как в висках выстукивал пульс. Тревожно, торопливо, лихорадочно. Чего он боялся, ну в самом деле, чего? Громко вздохнул, опустил руки, сделал глубокий вдох. Такое ощущение, будто не хватает воздуха.

Воздуха было совсем мало. И становилось все меньше. Рука сама потянулась в карман, чтобы достать флягу. Он привстал и отпил глоток.

5

В той стороне, где был берег, поднималось солнце. Как всегда, это походило на спектакль со световыми эффектами, переливами воды. Обычно это радовало Саунага, но сейчас у него было скверно на душе. Э, к чему ныть и кукситься в расчудесный утренний час! Треп Гравитиса стоит ли принимать всерьез. Гравитисов кругом полно. Такие обормоты растут на каждой кочке, словно клюква на болоте. Что с ними сделаешь? Ничего. Капитана можно снять, понизить, а такого, как Гравитис, не тронь. Дефицитнейший товар. У него бездна преимуществ. Он внизу и ни на что не претендует. «Ах, я вам не нравлюсь? Так увольте меня», — скажет. А кому-то надо и на палубе вкалывать. Скоро придется их слезно молить: «Милые, хорошие, сделайте одолжение!» И теперь уже рыбацкие артели заывают их наперебой: «Идите к нам, мы платим больше, у нас перспективы лучше». Лодки и суда современная индустрия штампует, как гвозди. Но без людей лодкам и судам в море делать нечего. Чуть какая-то. Выходит, прогресс работает на Гравитиса. Выходит, такие Гравитисы — продукт прогресса. Эх, что-то не в порядке! Возможно, Гравитис отчасти и прав. Да кто ж совсем не бывает прав? У каждого своя правда. И у судна своя правда. И у рыбы. Только как все эти правды соединить воедино?

Спать Саунагу не хотелось, хотя устал он порядком. Более всего бессонная ночь дает о себе знать на рассвете. Он вынул из портфеля приготовленные женой бутерброды, откусил кусок. Как только задвигались челюсти, в голове прояснилось. И мысли успокоились. С мыслями дело обстоит примерно так же, как и с рыбой. Одни мысли идут косяками, другие в одиночку ходят. Есть мысли глубокие, есть мелкие. Большие мысли приходят довольно редко. Мелкие мыслишки, к сожалению, нет смысла даже за борт выбрасывать, все равно из них ничего не вырастет.

Девяносто девятого вызвал напарник. Капитан Рупейк посоветовал взять лево руля, держать курс триста шестьдесят градусов.

Минут через десять Саунаг не торопясь начал поворачивать влево, ложась на условленный курс. Судно шло полным ходом. Ветер крепчал, волны плескались о левый борт, качка стала ощутима. Невесть откуда налетела стая чаек. Чайки всегда прилетают невесть откуда, когда время трала выбирать. Однако на сей раз, красавицы, вы поторопились. Не подоспело время, запаситесь терпением. Кто мечтает поживиться Большой рыбой, должен запастись терпением...

В первый момент он даже не понял, что происходит. Резанул

в глаза свет солнца. Почему? Возможно ли такое? Взглянул на компас. Что-то слишком резко судно забирало влево. Ну, все ясно. Левый ваер трала зацепился за что-то. Или, что вероятней, — траловые доски... Не успел он додумать, как заметил такое, что смутило еще больше: вода справа по борту текла в противоположном направлении! Как будто винт на задний ход переключили. Но мотор на пределе работал — полный вперед! Ну, дела! Ход потерян. Значит, все-таки зацепились.

Саунаг толкнул дверь кубрика и грохнул кулаком в стену:

— Подъем! Жанис, Гравитис! Вставайте! Быстро! Слышите?

Судно шло по ветру. Чтобы его не сносило на трал, Саунаг взял еще левее. Сбросил обороты.

Внизу крика, должно быть, не услышали. Спят как убитые. Жанис обычно вскакивал, стоило только свистнуть. То, что Гравитис дрыхнет, это понятно. Подъем! Он дубасил по стене изо всех сил. Вроде отозвались. Похоже, Дайнис Круминыш.

— Буди их, — крикнул Саунаг. И еще раз для верности крикнул громче: — Жанис, скорей, сели на мель!

Некогда ждать, пока они очухаются, выплзут из кубрика. Саунаг привязал штурвал к сиденью и бросился на палубу. Включил лебедку. Ваера начали сматываться. Левый натянута, правый провисал. На барабан, однако, оба наматывались равномерно. Да где же эти обороты, чего они мешкают? Саунаг готов был лопнуть от досады. Ну, конечно, зацепились за что-то, обычное дело. Сейчас ваер высвободится. Не впервые. Натянется. Качнет судно. Все будет в ажуре. Но со дна души холодком потянуло — поднимался страх.

Обстановка менялась стремительно, некогда додумывать длинные мысли. До него вдруг дошло: что-то не так, не то происходит, что должно происходить, тут действует логика, понять которую он не в состоянии. Потому и все последующее оставалось загадкой. Теперь и мачта, оторвавшись от судна, могла взметнуться вверх. И волна могла расти не вверх, а вниз. И небо быть снизу, а море — сверху. Ему было знакомо это чувство. Еще с тех пор, когда трал выловил со дна морского обросшую водорослями мину. Или когда однажды в шторм отказал мотор и судно почесло на скалы.

Перед глазами мельтешили чайки: клювы разинуты, желтые лапы растопырены, тянутся вниз, будто ищут опоры. Казалось, судно и сам Саунаг магнитом притягивали чаек, птицам приходилось преодолевать сопротивление. Слева по борту плыл буй. Саунаг впился в него глазами. Буй подплывал все ближе. Черный буй среди синих волн.

Потом судно накренилось. Может, на левый, может, на правый борт. Он уже плохо соображал. Почувствовал, как из-под ног уплывает палуба, превращается в стену, а он пытается припасть к ней, вцепиться в нее руками, распластаться на ней. Потом Саунаг увидел судно над головой, — так козявка видит башмак, грозящий ее раздавить. И затем оказался в воде. Прыгнул, упал, сорвался — не смог бы объяснить.

Вынырнув, Саунаг откашлялся, подобрал побольше воздуха. Но волна накрыла его, и он подумал: «Надо снять башмаки». И еще почему-то подумалось, что у старшей дочери сегодня день рождения. Должно быть, он слишком рьяно молотил руками и ногами, это мало походило на плавание, в ушах звон, ломило виски. Надо же именно сегодня такому случиться. Почему сегодня?

Немного придя в себя, Саунаг метрах в трех увидел металлический островок с крутыми скатами. С его точки зрения — полупловца, полуутопленника, островок казался довольно высоким, хотя волны временами перехлестывали через него. Только теперь наконец все пережитое и свершившееся отложилось в связанное умозаключение: металлический островок был днищем его судна; судно перевернулось, остальные там, внутри. Доносился слабый стук, или померещилось? Нет, работал судовой двигатель. И выступавший из воды гребной винт вращался, словно идиотский пропеллер или бессмысленный вентилятор. И крутился барабан лебедки, левый ваер скользил поперек днища, поверх рулевого пера. «Странно, — подумал он, — раз наматывается правый ваер, вроде бы должен наматываться и левый, они же друг с другом связаны. А если зацепился левый ваер, почему не тянет борт под воду?»

Дождавшись очередной волны, Саунаг ухватился за киль. Волна покатила обратно, удержаться не удалось, но следующая волной его подкинуло выше, и он взобрался на скользкое днище.

Ваер все еще накручивался. Наконец показались траловые доски. На них обрывки сети. Широкая, жестью обитая створка уперлась в перо руля. С хлопком оборвался ваер. Траловые доски снова шлепнулись в воду.

Долго ли удастся продержаться на днище? Возможно, что долго. Стук мотора, до сих пор покрывавший остальные шумы, заставлявший его самого дрожать и лязгать зубами, вдруг прекратился. И — тишина, гнетущая, как темень, которая наваливается, когда гаснут огни праздничного салюта. Однообразный плеск и шелест волн о стальное днище — эти звуки показались совершенно новыми, незнакомыми. Он прислушивался к ним с настороженным интересом. И потом различил глухой, металлический гул, но происхождение его понял не сразу. Под днищем судна кто-то стучал. Леденящий ужас захлестнул его, толкнув обратно в море с такой силой, что судорожно сведенные пальцы сами отпустили киль. Саунаг разглядел в воде свое отражение. Лицо казалось черным. «Это выше сил человеческих», — подумал он и глянул на руки. Руки тоже были черны.

Дайнис Круминьш спустился в кубрик с приятной мыслью, что ему повезло. Ощущение было такое, будто он смотрит на себя со стороны. Все происходящее с ним и вокруг него представлялось в ином измере-

нии. И поскольку пережитое за последние три дня отличалось разительно от всего предыдущего, казалось, что события разворачиваются не в действительности, а он их видит в кино.

Тем не менее все происходило на самом деле. Это можно было почувствовать даже нюхом (из всех запахов он больше всего любил особый корабельный запах, потом — свежераспиленных досок и, наконец, запах бабушкиных настурций), даже на слух (барабанная дробь мотора, бас-гитара волн — жутко современный ритм), даже на ощупь (прохладная металлическая обшивка дрожит, словно трепетная конская морда). Сомнений быть не могло, он и впрямь находился на судне, плыл по морю. Пусть МСТБ-99, он же «Утренняя заря» (последнее Дайнису нравилось больше), не ахти какой великан, но уж ничуть не меньше «Снарка», на котором плывал Джек Лондон. А разве знаменитый «Джипси мот» Френсиса Чичестера поражал размерами? Тут важно другое: взойдя на корабль, Дайнис очутился в мире своей мечты. В мире Джека Лондона и Чичестера. Подобно тому, как Алиса, пройдя сквозь зеркало, очутилась в стране чудес, в Зазеркалье. Впрочем, это не совсем удачное сравнение. Сказками он увлекался до второго или третьего класса, что ему теперь Алисины чудеса? Мир полон куда более существенных чудес. Таинственные каменные истуканы острова Пасхи все глядят в одну сторону, на дальний горизонт или в космос. На Галапагосских островах обитают гигантские черепахи. Каждая размером со свинью. Панцирь у них с надувную лодку. Причалит пиратский корабль, загрузит трюмы сотней черепах — питание на полгода обеспечено. И сколько хочешь яиц, жарь хоть каждый день яичницу. Колоссально! А на Коморах можно попытаться изловить змея-дракона. На дне Тихого океана, где-то у берегов Южной Америки, тянется громадная трелцина, которая, возможно, достигает центра земли. А огненные тарелки, что кружат в районе Бермудских островов, а до сих пор не объясненные два солнца в небе, о чем рассказывал Тур Хейердал...

С тех пор как Дайнис пяти лет от роду научился читать, он буквально проглатывал книги. Когда в руках оказывалась книга, ему не нужны были друзья, игрушки. Примостившись в уголке, зажав ладонями уши, он мог сидеть часами, если даже вокруг стояли шум и гам.

Ненасытному чтению отчасти способствовал и печальный факт: как раз в то время, когда Дайнис сдружился с книгами, у него умер отец. Они переехали в Свикере, где мать взялась заведовать интернатом. Под их новой квартирой находилась школьная библиотека.

В пятом классе задали написать сочинение: кем хочешь стать? Дайнис без раздумий написал: моряком. Сочинение не прошло незамеченным; его зачитали в классе, поместили в стенгазете, послали на конкурс «Любишь ли ты море?». Даже в телепередаче помянули.

— В сочинении имеются недостатки, — говорил выступавший член жюри, литературный критик. — Юный автор чересчур восторгается экзотикой и слишком мало говорит о практических аспектах морской профессии, при всем при том отрадное впечатление производят свежесть восприятия, раскованность, фантазия.

С группой отличников учебы Дайниса пригласили погостить в рыболовецкий колхоз. Им показали суда и снасти, затем повели в цеха, где обрабатывается рыба. Показали на глобусе места лова.

Дайнис никогда особенно не интересовался рыбацкой профессией. Но смотрел и слушал внимательно, не пропускал ни единого слова, — речь шла о «морских богатствах», об «экспедициях», о «фауне континентального шельфа». Палец бородастого капитана широкими кругами обводил районы, где приливы сменяются отливами, где на коралловые рифы с грохотом обрушиваются тайфуны, где из воды выпархивают летучие рыбы, где дрейфуют айсберги.

Весной, до или после женского дня, мать на автобусной остановке встретила знакомого из рыболовецкого колхоза, и тот спросил, не хочет ли Дайнис в летние каникулы покататься на судах. Заодно бы заработал на зимнее пальто, добавила мать, из старого уже вырос. Что верно, то верно, за зиму он сантиметров на десять вымахал, старое пальто надевалось с трудом.

— А кроме того, парню в твоём возрасте не мешает пожить в мужской компании. К дисциплине привыкнешь. Маменькиных сынков и без того хватает. В-третьих, на корабле тебя, может, приучат к порядку, что тоже неплохо. Впрочем, не радуйся раньше времени, желающих у них хоть отбавляй.

Нет, ему в самом деле жутко повезло! С одного рейса и сразу в другой. Ну, насчет опоздания на автобус, это он, конечно, загнул. В Свикере преспокойно мог и с утра отправиться, заночевав у тетки.

Дайнис замер посреди кубрика, прислушиваясь к мерному стуку мотора — чем не музыка? Вот он стоит, как настоящий моряк. Скоро сюда спустятся остальные члены команды, и они вместе будут ждать, когда наступит время трал выбирать. А сейчас даже хорошо, что он в кубрике один. Можно помечтать. Кубрик есть кубрик. Чем этот отличается от кубрика подводной лодки? Тоже под водой. Вообрази, что ты в «Наутилусе», полным ходом идущем на Северный полюс, и, будь здесь иллюминатор, он бы смог полюбоваться гигантским осьминогом. Или чем-нибудь еще более редкостным — грушеобразной рыбой-луной, морскими коньками или таинственными морскими ночными сторожами с фонариком на щупальцах. А если иллюминатор вмонтировать в днище, можно любоваться затонувшими в древности судами, обросшими ракушками, опутанными водорослями.

Было слышно, как за тонкой металлической обшивкой плещутся волны. Под ногами поднимался и опускался пол. По окантованному столу каталась железная кружка.

Дайнису почему-то не давал покоя вопрос капитана: о чем поют киты? Странно, что он сам об этом не подумал. Никто, ни один человек в целом свете не знает, о чем поют киты. Возможно, они поют о чем-то очень важном. Например, о трех огромных рыбах, держащих шар земной на своих спинах. А может, о том, почему киты хранят верность морю, в то время как все прочие млекопитающие выбрались на сушу. Возможно, и киты пробовали жить на суше, потом опять вернулись в океан.

Надо изучить язык китов, решил он. Труднейшая, но увлекательная задача! Неужто нельзя овладеть китовым языком? В наше-то время, когда вычислительные машины разгадывают сложнейшие коды, когда человек прохаживается по Луне, примеряется к общению с далекими цивилизациями.

Здравствуй, Кит! Как тебя зовут? Меня зовут Дайнисом Круминьшем. Я хочу знать, о чем ты поешь.

Дайнис снял кеды, снял выцветшую школьную куртку, рукава ее кончались где-то между локтями и ладонями, и взобрался на верхнюю койку. Качало, как в люльке. Света достаточно, чтобы читать. Так на чем он остановился? Вот здесь, где говорится, как общаются киты.

Поскольку место обитания китов — все океаны земного шара и они кочуют от Гренландии до Патагонии, от Калифорнии до Мадагаскара, то более чем за тридцать миллионов лет существования киты научились превосходно общаться друг с другом. Подобно самолетам в межконтинентальных рейсах или космическим кораблям в просторах Вселенной, они постоянно выходят друг с другом на связь, посылая свои позывные, обмениваясь информацией. Есть основания полагать, что по различным подводным и надводным звуковым каналам киты узнают гораздо больше, чем ученые мужи, — люди по сей день теряются в догадках, каким образом киты используют океан для общения на дальних расстояниях... Все правильно, вчера он дочитал до этого места...

...Описать ее внешность трудно: как всякое чудо, ее ни с чем невозможно сравнить. То, что человек привык считать большим в природе — ну, например, слон, доисторический динозавр рядом с нею, самым крупным из живых существ за всю историю Земли, показались бы попросту букашками. Своими прекрасными обтекаемыми формами она напоминала творение рук человеческих — некое подобие тридцатиметровой стальной подводной лодки. Но сходство было условным: как можно бесчувственный стальной корпус сравнивать с гибким, живым, изящным телом? Ее никто не взвешивал, но когда ее мать подняли из воды на Уолфиш-бейской китобойне и взвесили, в ней оказалось сто тонн. Дочь была ничуть не меньше. Иногда, разыгравшись, ударами мощного хвоста она поднимала вокруг себя настоящую бурю. В случае необходимости развивала скорость до сорока километров в час. А всплывая на поверхность,

с глухим шумом выбрасывала над собой на высоту пятнадцати метров целое облако влажного воздуха. Мать она потеряла вскоре после рождения и первые годы росла под присмотром «няни», той самой, что когда-то помогла принять ее при родах,— у китов это дело обычное. Однажды осенью, на обратном пути из Арктики в тропики, их выследили китобои и почти все стадо перебили. Скорей всего такая участь ожидала и ее, не появившись вовремя сторожевой вертолет. Охотникам, конечно же, было известно, что бить голубых китов запрещается, и они прекратили преследование.

Юность она провела почти в полном одиночестве. Все реже на морях и океанах звучали голоса китов. На планктонных пастбищах иной раз она прибывалась к стаду финвалов, кашалотов, но различия в образе жизни, в повадках заставляли ее выбирать свои пути.

И вот теперь, в продолжение долгих месяцев, днем и ночью она исторгала характерный клич голубых китов. Однажды близ пустынных мексиканских берегов, когда свирепствовал тайфун, она нырнула глубже, чем обычно, достигнув слоев наилучшей слышимости, и там уловила слабый ответный сигнал. Уже не хватало воздуха, но она не покидала глубину, опасаясь, что, пока всплывет и снова нырнет, ответный зов умолкнет. Но при следующем погружении она еще отчетливей услышала далекий зов. И ее огромное сердце, как ни странно, не убавило вдвое число ударов, что случалось всегда при погружении, продолжая биться часто-часто. И она поняла: хотя ответ донесся чуть ли не с другого края океана, одиночеству пришел конец.

Год спустя в укромной тихой бухте Мексиканского залива у нее родился детеныш. Длиной тот был раза в четыре меньше матери, но ужасно тощий, без привычного слоя подкожного жира. Новорожденного нежно опекали мать и две «няньки». Своими плавниками, будто на руках, мать приподнимала малыша над водой, тискала его и подталкивала, обучая дышать и плавать, управлять хвостом, удерживать равновесие. У малыша был превосходный аппетит, и мать кормила его вдоволь. Из материнских сосков струей текло сметанообразное молоко. За день китенок выпивал его с тысячу литров, он рос на глазах, быстро прибавляя в весе. Молока было много, часть проливалась в воду, иной раз китенку казалось, что он плавает в молоке.

Детеныш достиг половины размеров матери, и семья смогла вернуться к размеренному ритму жизни с постоянными кочевками и сменой пастбищ. Когда в северное полушарие приходило лето, они отправлялись в Арктику, где обилие планктона позволяло быстро откладывать подкожный жир. Осенью, с наступлением холодов, возвращались в тропики. Киты по природе беспечны и веселы, любят резвиться, плавать по ветру, вместо паруса поднимая хвосты, любят перекачываться на волнах, выпрыгивать из воды — кто выше.

Малыш плавал так же быстро, как взрослые киты, ловко нырял, подавал и принимал сигналы. Обычно он держался вблизи матери. На ночь устраивался так, чтобы чувствовать ласковый материнский бок. Иногда на китенка находила охота поозорничать, и он затевал игры, кувыркался, плескался, попискивал. Мать была терпелива, никогда на него не сердилась. Нежная, заботливая, она кружила вокруг детеныша, благодушно снося его шалости. Если ж тот начинал проказничать сверх меры, китиха опрокидывалась на спину и своими плавниками крепко держала шалуна, покуда он не утихомирится.

Однажды синим, ясным днем, когда ветер нагнал холодного воздуха и видимость стала отличной, их заметили с небольшого быстроходного, хорошо вооруженного судна. Считалось, оно в этих водах в ограниченных количествах промысляет кашалотов, из мозга которых добывают спермацет, дорогостоящий продукт для парфюмерной промышленности. На самом же деле это было браконьерское судно, занимавшееся в запретном районе ловом ценных пород рыб. При виде голубых китов браконьеры меньше всего были настроены любоваться чудом природы. Для них киты — это горы мяса, груды жира, современная техника и химия без труда способны их превратить в деликатесы. Браконьеры от радости потирали руки, прищелкивали языками. Сомнений быть не могло: перед ними голубые киты, о чем говорили высокие, совершенно отвесные фонтаны. Вот что называется подфартило! Зарядить гарпунную пушку!

Китенок не сразу заметил судно. И поведение родителей потому показалось странным. Без видимой причины заволновались, всполошились. Уйдя на глубину, изменили направление. Потом, высунув головы из воды, стали озиаться. Знаками велели китенку держаться рядом.

Затем он услышал странный шум. Как будто под водой торопливо постукивало сердце. Он тоже высунул голову и увидел, что к ним стремительно приближается крутогорбый странный кит. Ничего подобного в жизни не видел, от удивления даже позабыл на время двигать плавниками. Почему родители стараются его увести? Так хотелось остаться. Почему у чужака нет хвоста? Почему тот совсем не двигал головой? Да и голова какая-то сплюснутая! А может, то, что впереди, не голова вовсе, может, голова помещалась где-то в другом месте?

Сгорая от любопытства, китенок косил глаза на чужого. А глаза были величиной с апельсин и блестели от радостного возбуждения.

Чужак без труда нагнал их, потом, сделав небольшой круг, очутился впереди. Мать подала сигнал — срочно нырять. На этот раз опустились глубоко и очень долго оставались под водой — целую вечность. А когда всплыли, получилось так, что китенок оказался ближе всех к чужаку. Что за чудо-юдо такое? Его так и тянуло подплыть к загадочному незнакомцу совсем близко, потереться боком

о его пятнисто-бурую кожу. Но мать рванулась наперерез. И отец повел себя странно — стал пускать высокие фонтаны, как нарочно, крутился под носом у красно-бурого чудовища.

Раздался ужасающий грохот. Китенку показалось, будто все происходит во сне: чужак, совсем как грозное облако, метнул молнию. Китенок видел, как огненный шар угодил в отца, когда тот собирался нырнуть. А вслед затем и отец прогремохал, подобно грозовому облаку, полыхнул пламенем.

Китенок жалобно пискнул. Теперь и он почувствовал что-то недоброе. Хотелось, не мешкая, уйти в глубину. И почему-то было страшно посмотреть туда, где отец. Закрыв глаза, малыш прижался к материнскому боку, норовя укрыться под ее плавником. По воде растекалось что-то теплое. Сначала он подумал, это молоко. Но запах был другой. Открыл глаза, увидел: не в молоке он плавал — в крови. Отец метался, дергался, будто не на жизнь, а на смерть сцепился с опутавшим его гигантским осьминогом. А из него хлестала кровяца. В какой-то момент отец выскочил из воды, и китенок увидел в отцовском боку разверстую рану. Отец рвался что было мочи, а невидимый осьминог не пускал, тянул к себе.

Китенку не терпелось скорей уплыть от этого гиблого места, ощутить себя в безопасности, только отец никак не мог освободиться, а мать не покидала его. Временами подхватывала отца своими плавниками, приподнимала из воды, как когда-то приподнимала китенка, чтобы тот мог надышаться. И все это проделывала нежно, не щадя себя, не жалея сил, а потом опять увлекала отца под воду.

Китенок пока еще не догадывался, что судьба отца решена. Гарпун на прочном нейлоновом лине подтягивал его все ближе к борту, покуда кит, — надутым с помощью компрессора пятнистым брюхом вверх, — не замер у самого судна. Один его глаз неподвижно уставился вдаль. Глаз тоже заплыл кровью, и казалось, кит плачет кровавыми слезами.

Но браконьеры на том не успокоились. Прожженные бестии, они делали свое дело безжалостно и методично. Настал черед матери. Опять ударила пушка. Опять громынула граната. Опять натянулся лить. И синее море сделалось красным. Вместе с матерью и китенок ушел в глубину. Он прижался к ней. Даже закрытыми глазами на боку у матери он увидел рану, из которой лилась кровь. Пусть это будет молоко, молил про себя китенок. Пусть будет молоко!

Настроение у гарпунера было отличное. Вот умора — китенок нырял и потешно юлил вокруг матери. Дурачок, чего ты мечешься, бубнил себе под нос гарпунер, или думаешь, промахнись? Как бы не так, электронная пушка бьет без промаха!

Но мать была еще жива, придется повременить. Пока стрелок перезаряжал пушку, матрос на всякий случай метнул китенку в спину гарпун с лием метров десяти длиной, к концу лия был привязан буй. От боли и страха малыш жалобно вскрикнул, еще крепче прижался

к матери. «Уплывай,— приказала мать,— уплывай немедленно. Я тебя догоню. Схоронись за ледяными горами. Слышишь, немедленно уплывай». И впервые в жизни мать его ударила, так огрела хвостом, что он в буквальном смысле слова отлетел от нее.

Сначала китенок неохотно отдалялся от матери, потом поплыл быстрее, все быстрее. Страх придавал силы. А вокруг растекалась красная теплая лужа. Но почему плыть стало тяжело? Позади бухнул взрыв, недалеко взметнулся фонтан брызг. Китенку захотелось обратно к матери. Но он не знал, в какую сторону плыть.

Водяной столб теперь взметнулся совсем рядом. Его резанула боль. Пришел в себя на большой глубине, когда уже стал задыхаться. Боль была жуткая. Китенок вынырнул, набрал воздуха и опять нырнул. Но что-то мешало. Такое чувство, словно кожа зацепилась за что-то, будто бок распорот. Он кувырнулся через голову, что было сил рванувшись вглубь. Неужели это кожа порвалась с таким треском? Зато теперь плыть стало легче. Китенок уходил в глубину: дальше во тьму, дальше в тишину.

Когда он очнулся, увидел, что лежит на поверхности воды. Вблизи никого не было. Мерцали крупные, яркие звезды. Позвал мать, но ответа не дождался. И вдруг до него дошло, что больше никогда не увидит родителей. Стало так страшно, что рвасься из дыхла воздушная струя пресеклась внезапно. Быстроходное страшилище, должно быть, гналось за ним. И он опять пустился в плавание.

Плыл много дней подряд, ни на что не обращая внимания. Он не чувствовал глубины, не знал, где находится. Море покрывала грязная, липкая пелена, от нее першило в дыхале, она мешала дышать. В воде плавали какие-то отбросы, пестрое тряпье, с обеих сторон подступали берега с домами, деревьями, животными. Совсем близко проплыл корабль. Китенок не успел укрыться. Опять его захлестывал страх. А плыть теперь можно было лишь в двух направлениях. В общем-то даже в одном — впереди невесть откуда появился корабль...

Под потолком кубрика потрескивала лампочка. Страницы книги, как оконные стекла на весеннем солнце, слепили глаза; небо было синее-синее, а крыша школы сверкала снегом. Под крышей выросли сосульки, тонкие, острые, как китовые зубы. Буратино, висевший рядом с койкой, сказал: мне надоел мой деревянный нос, замени его, пожалуйста, на сосульку. Ничего, что из носа будет капать, у меня есть носовой платок. Из лампочки выскочила белая коробочка и стала распускаться наподобие парашюта. Пропорхнула мимо носа Буратино и полетела дальше.

Потом таяко прогудел звонок. Или что-то еще более тревожное. Суматошные звуки исходили от чего-то безмерно большого, и это что-то продолжало расти, бесноваться, звон ширился и в то же время становился глуше. Дайнису хотелось выяснить причину странного звука, но свет нещадно слепил глаза.

А никакого звона не было. Среди слепаще-белых айсбергов, выпростав из воды широкий хвост, плыл Кит. Дайнис так обрадовался ему, что рассмеялся раскатистым, радостным смехом. «Ерунда, никакого звона не было, главное, что ты сумел спастись. Я очень за тебя боялся». Но у Кита был потерянный вид, он молотил хвостом воду. «Иди ко мне,— сказал Дайнис,— места хватит обоим, я твой друг». А Кит смотрел на него с неприязнью, продолжая колотить хвостом воду, и Дайнис вдруг испугался. «Ты опрокинешь наше судно,— крикнул он Киту.— О-про-ки-нешь! Я твой друг. Опомнись, я друг!»

Этот долетевший из кубрика крик Дайниса и расслышал капитан Саунаг, решив, что Дайнис отозвался.

Немного погода судно сильно накренилось, и Дайнис Круминьш стелел с койки, ударившись головой о кромку стола.

7

В 5.38 Магнус Вигнер с капитаном Зебергом выходили из порта на МСТБ-106, самом быстроходном тралботе рыболовецкого колхоза. Рядом с Вигнером на палубе стояли зампред Кикут и главный инженер Шмалковский. Полуодетым, зато со всеми причндалами для подводного плавания на судно доставили диспетчера Крауклиса; проходя службу в армии, он закончил курсы подводников, а теперь — в общественном порядке — числился акавалангистом спасательной службы. В последний момент, когда сто шестой отваливал от пирса, подоспел и доктор колхозной амбулатории Башко.

На палубе в беспорядке навален отовсюду собранный спасательный инвентарь: трос, сварочный аппарат, багры, крюки разного калибра. Никто однако не имел понятия, чем придется заниматься в квадрате 251. Более того, известию о происшедшей с девяносто девятым катастрофе как-то не хотелось верить. Опыта спасательных работ у них не было, такого рода несчастья с колхозными судами случались редко. Взял и перевернулся... Абсурд. Недоразумение, и только. Скоро все объяснится, наведем порядок. Что-то неслыханное. Ну ладно б шторм навалился, но чтоб в такое утро...

Словно отгадав мысли Вигнера, Шмалковский пожал плечами, и его круглое, улыбочиво-добродушное лицо омрачилось.

— Хоть убейте меня,— сказал он,— это невозможно! — Ему никто не возразил, и тогда он стал приводить свои доводы: — Такое судно перевернуться не может, понимаете? Не может! Исключено! Как-то мы, двадцать мужиков, на испытаниях просто так, потехи ради, пытались его раскатать. Уж как старались. Куда там! Не знаю, какие нужны перегрузки или надо додуматься так разместить груз...

Невозможно, твердил про себя и Вигнер, невозможно... Припомнилось далекое, солнечное утро, когда немцы совершили первый

воздушный налет на Лиенау. Ударили зенитки, и он, подстрекаемый мальчишеским любопытством, выбежал из дома оглядеться, что происходит. По небу красивыми тройками пронеслись самолеты. Внезапно от них отделились черные точки; тонкий, свистящий звук разросся до суматошного воя. Потом небо раскололось от тяжелого удара, и все, что громоздилось там, вдали, опрокинулось, рухнуло, выстлав небо дымом и пылью. А его тогда сверлила одна-единственная мысль: не может быть, такое попросту невозможно! Человеческий рассудок, что ни говори, ужасно примитивен. Слишком высоко мы ставим свои привычные представления. И слишком охотно верим тому, во что желаем верить.

Судя по разговорам в эфире, в квадрат 251 стянулись почти все находившиеся поблизости рыбацкие суда. Капитан Рупейк уже который раз повторял одно и то же. Мы с Саунагом условились сменить курс, причем он ни словом не обмолвился ни о каких... Потом глянул — нет девятно девятого, пусто на горизонте, будто смели его... Пригляделся — человек в море... да, Саунага подобрали... нет, сам он не способен ничего объяснить... Мы его в кубрик спровадили... Нет, медицинская помощь не потребуется, просто он должен немного очухаться. И весь в мазуте перепачкался... Нет смысла сейчас с ним разговаривать... Да, да, на всякий случай связали...

Из центра попросили уточнить, какая в том месте глубина, и Рупейк ответил, что эхолот показывает сорок четыре метра... Из носовой части перевернутого судна по-прежнему слышится стук... Сила ветра — 4—5 баллов, волна — 1—2 балла, сближение затруднительно...

— Нет, я отказываюсь что-либо понимать, — воскликнул Шмалковский, и в самом деле вид он имел растерянный. — Сплошная мистика. Судно выбирает трал, а команды на палубе нет! Вы такое можете понять? Бермудский треугольник! Зеберг, вы когда-нибудь выбираете трал при спящей команде?

Из порта Н. вызвали спасательное судно. МСТБ-82 и три других тралбота получили задание с помощью тросов любой ценой удержать девятно девятый на поверхности.

— Я бы попытался подтащить его к берегу, — заметил Зеберг, у которого, как всегда, имелись свои предложения. — Как можно скорее на мель...

Замечание Зеберга почему-то разозлило Шмалковского.

— Прежде чем тащить, сначала нужно закрепить как следует, — повысил он голос.

Вигнеру вдруг захотелось побыть одному, подалее от нескончаемых переговоров по радию, подалее от возбужденных, повышенных голосов, лишь подтверждавших общее смятение. Клубок слов и голосов вызывал в нем странное ощущение пустоты, подобное той, что возникает при виде мелькающих крыльев вентилятора: кажется,

перед тобой нет ничего реального, вращается прозрачный круг, который хочется проткнуть пальцем.

Достав сигарету, тряхнув спичечным коробком, Магнус Вигнер отделился от остальных, прошелся к брашпилю. С перевернувшимся судном связана его судьба. На сей раз за штурвалом оказался Саунаг. А если бы я? И тогда бы судно перевернулось? В чем причина? По чьей вине? Где верный путь к спасению?

Не выходя из головы стук в носовой части судна. Вигнер отчетливо слышал этот стук. И думал о тех, кто оказался закупоренным в темной, душной ловушке, кто стучал из последних сил. Прежде всего он видел белобрысого паренька, для которого это был второй выход в море. А если вопрос о перевернувшемся судне одновременно есть вопрос о моей жизни? О том, что случится завтра, послезавтра. Возможно, Велта была права, когда, уходя, кричала: не мечтай, сыновей тебе не отдам! Забьешь им головы своей морской дурью, ради их будущих жен не отдам, может, хоть они будут счастливее меня...

Ему совсем не хотелось уходить в дальние рыболовные экспедиции. Ему нравилось работать здесь, в заливе, где все привычно, известно. Приятно после хорошего лова вернуться домой, сесть в кухне за стол, налить себе тарелку супа. Взять буханку хлеба и отрезать ломти — один ломоть Велте, второй ломоть — Ивару, третий — Витауту, четвертый — себе. Нигде не бывало так хорошо, как дома. Неужто Велта не чувствовала, не догадывалась?

Но все повадились ходить за тридевять земель, и его бес попутал. Может, как раз потому, что очень уж Велта отговаривала. Каких глупостей по молодости не наделаешь! Да и с характером оба. Что называется — нашла коса на камень. Велта удержу не знала ни в любви, ни в злобе. Конечно, глупо было оставлять ее одну надолго. Сам себя мучил, жена мучилась, ну да ладно, еще один рейс, уж этот последний. Хотя расстались много лет назад, а сегодня, побыв с Элфридой, Вигнер лишний раз убедился, что потерял. Обманывать себя не имело смысла, в Элфриде он искал Велту. И, конечно же, не нашел.

Поздно он спохватился. Поздно получил капитанский диплом и судно. Наверное, тогда еще можно было что-то спасти. Но он был слишком уязвлен, обижен, раздосадован. А Велта не из тех, кто, раз начав, останавливаются на полдороге.

Теперь Велта носила другую фамилию. Ее муж в соседнем колхозе работал садовником. Время от времени Вигнер встречал Велту на улице, в универмаге. При встречах оба краснели. Вигнер в таких случаях думал: когда же мы перестанем краснеть? Но пока краснели.

В мыслях беседуя с морем, он пользовался теми же словами, которые когда-то говорил Велте, вслух и шепотом, которые писал ей

в письмах, заставлял выстукивать по телеграфу. Нежные, озорные, терпеливо-благодушные. Слова, преисполненные восторга, удивления, веры.

Возможно, виновато было одиночество, но ему нравилось в характере, в норвежском море угадывать черты Велты. Прекрасно понимая, что это игра, баловство, и все же со временем ему открывались все новые и новые черты сходства между морем и Велтой. Порой стыдился, поймав себя на смешных рассуждениях, пожалуй, и недостойных мужчины. Но одно бесспорно: в последние годы он глядел на море иными глазами, чем прежде. Сущность перемены трудно выразить словами. Его отношение стало другим. Даже когда он думал о море безо всяких там олицетворений. В молодости море для него было просто скопищем воды, откуда требовалось извлечь рыбу. Тогда и мысли не было, что между ним и морем могут возникнуть отношения тонкие и сложные. Прошли годы, прежде чем он понял: даже несметные богатства можно на ветер пустить, обезобразить прекрасное, замусорить чистое. И наоборот. Из маленького вырастить большое, бедность обратить в богатство. Море — все равно что женщина — существо слабое, но в то же время сильное, овладеть им можно, не навязывая свою волю. Насилием ничего не добьешься. Сила плодородия моря, по правде сказать, далеко не осознана. Как и жажда плодородия. Плодородие зависит от партнера, в любви ее корень. Акт близости — сам по себе — не имеет большого значения. Если партнер словно гость в доме утех, думает лишь о себе, не интересуясь тем, кто рядом, ничего хорошего не получится. Кочевников сменили земледельцы. Очевидно, пришло время рыбака заменить морелевцем.

Вигнеру казалось, они плывут уже очень долго. По волне, поднимаемой судном, и по сердитому реву двигателя можно было заключить, что Зеберг выжимает из него все, что можно. А горизонт пока пуст. Синие волны да пенные гребни. Солнце вставало, вода понемногу теряла насыщенность тона, как бы тускнела. Пробив кучевые облака, солнечный свет падал прямыми, ровными столпами. Повыше, прозрачными пушинками плыл второй ряд растрепанных тучек. Хорошо, ветер держится, можно не бояться тумана. А падет туман...

Когда-то должно было это случиться, Вигнера давно томили предчувствия. Что-то назревало, нависало, собиралось по капле. С каждым недалеким поступком, каждым непродуманным действием. Все делаем вид, что ничего не замечаем. Гнем свою линию, корыстными отговорками заглушаем доводы рассудка, становимся все уступчивей, нетребовательней, расточительней.

Их трое там, под водой. Надолго ли хватит сил стучать? Слышат ли ответный стук? Тонкая, в пять-шесть миллиметров стальная обшивка отделяла людей от света и воздуха, но этого достаточно, чтобы тотчас возникла не приспособленная для жизни среда.

А если бы вместо белобрысого паренька оказался мой сын... Рассуждая здраво, Вигнер должен был бы чувствовать радость, облегчение — оттого, что сына там не было. И не могло быть. По крайней мере до тех пор, пока его (почему в единственном числе? Ведь у него двое сыновей!) воспитывает Велта. Однако облегчения он не почувствовал. Сыновья у него были чисто теоретически. А в общем-то сыновей не было. Он аккуратно выплачивал алименты и, заполняя анкеты, вписывал их имена, даты рождения. И это все, почти все, что знал он о своих сыновьях. Поэтому мысль о том, что сыновья в безопасности, особой радости не принесла. Но смутные предчувствия, преобразующие реальность, сквозь тревоги как бы тенью надежды прорисовывая вероятное, ему нашептывали: еще ничего не потеряно. Он даже в мыслях боялся признаться себе, как велико желание рядом с собой увидеть сына. В счастье и беде. Ну хотя бы один из сыновей пошел по стопам отца. Больше он ничего не желал. Абсолютно ничего.

Ходить по земле надо, будучи уверенным, что мир стоит прочно, что и после тебя стоять будет. Ходить по земле надо, будучи уверенным, что жизни несть конца. Костяной крючок на этом берегу так же древен, как и каменный топор.

Вигнер вернулся к остальным.

— Ну что, удалось закрепить? — спросил он.

Зеберг не ответил. Шмалковский скривился в угрюмой гримасе:

— Я же говорил, без водолаза здесь делать нечего.

Кикут барабанил пальцами по распахнутой двери рубки: не время препираться. Скоро узнаем, скоро все прояснится.

На горизонте понемногу проступали контуры судов, мачты, палубы. Постепенно глазам открывались детали: носились чайки, пенились волны. Целая флотилия стянулась к месту происшествия. Зеберг подошел к восьмьдесят второму. Вигнер, стиснув поручни, вглядывался в темный, похожий на подводный камень бугорок, о который разбивались волны. Не знай он, что это днище его судна и что под ним задыхаются люди, бугорок мог показаться малопримечательным. Внешне никакого драматизма.

Кикут переговаривался с центром и Рупейком. Облачившись в свои доспехи, Крауклис неуклюже расхаживал по палубе в лаптах, точно поднышавшая на задние лапы лягушка. Под руководством Шмалковского команда раскатала тросы.

— Распоряжение остается в силе, — сказал Кикут, — до подхода спасательного судна девятно девятым надо попытаться удержать.

Вигнер по-прежнему стоял у поручней, глаз не сводя с овального стального выступа поверх воды.

То, что произошло в последующие секунды, он видел до мельчайших подробностей. Разлившееся горючее окружило судно блестящей пеленой, на солнце она отливала зеленым, фиолетовым, кроваво-красным. Вдруг Вигнер заметил: маслянистая пленка запу-

зырилась. И когда он подумал: пузыри оттого, что выходит воздух, — киль судна приподнялся с одного конца. Море притихло, ветер сник, палуба не дрожала под ногами. В зловещей тишине, грохотавшей в ушах Вигнера, нос судна стал задираться вверх с поразительной быстротой и легкостью. На мгновение показались фальшбот и мачта. Движение было настолько стремительным, можно подумать, судно сейчас оторвется от воды, взметнется в небо. Но мокрый нос судна накренился сначала в одну, потом в другую сторону и канул обратно в море. В том месте море вспучилось, водяной вал выросал тем выше, чем глубже погружалось судно. Когда корпус исчез, водяной вал рухнул в бурлящий омут, раскатив во все стороны округлые волны.

Возможно, доносились и какие-то звуки, но Вигнеру казалось, все произошло в полной тишине. Там теперь плавало лишь несколько пустых ящиков. Но он смотрел и смотрел, не отрывая глаз, как будто ждал чуда. Немного погодя вынырнул спасательный плот; ветер погнал его прямо на них.

— Алло, алло, доложите обстановку, доложите обстановку, — кто-то неотступно требовал по радиотелефону. — Доложите обстановку...

Часы показывали 6.51. Капитан Зеберг взял в руки микрофон, но медлил с ответом. Прищурившись, глядел на пустой, апельсинового цвета плотик, качавшийся на маслянистой воде.

8

Что касается лично меня, автора рассказа, то я впервые увидел море восьми лет от роду. Сосед по имени Пурс как-то по весне, «когда ива серая цветет», отвез меня на велосипеде в Булдури. До той поры мне море представлялось бесконечным простором. Река — это мелочь, озеро — лужа, вот когда увидишь море, говорили мне. По сей день помню, как трепетало сердце, когда поднимался на песчаную дюну, за которой должно было открыться чудо.

Признаюсь, тогда море меня разочаровало. Никакой бесконечности я не увидел. И тут тянулись берега, залив не казался таким уж бескрайним. Поразила только высота моря: яркий горизонт как будто затягивался в небо.

Теперь я знаю: море себя открывает не сразу. Море слишком глубоко, чтобы тотчас проникнуться им. На то требуются годы — штормы и безветрия, закаты и штгили, млечные туманы, грусть разлук, радость новых встреч, безмятежность, нетерпение. И сколько-то историй, приключений, чтобы возникла привязанность.

Случайность ли, что жизнь сначала зародилась в море и только затем выбралась на сушу? По-моему, в морях и океанах происходят те же процессы, что на суше, лишь в более динамичной форме. У водной

стихии больше темперамента. Это среда повышенной активности. Вблизи моря я всегда находил в себе непочатые силы, и это наводит меня на мысль: для того и существуют суша и вода, чтобы форма энергии, именуемая жизнью, располагала двойным аккумулятором — обычным и запасным. Подобно тому, как в древних святилищах имелись места просто святые и святейшие.

Полтора месяца спустя после гибели МСТБ-99 в газете «Ригас Балсс» я прочитал заметку о том, что на Курземском конце Рижского взморья, вблизи Каугуров, волны вынесли на берег мертвого, длиною в четырнадцать метров и весом тонн в тридцать пятнистого финвала. Голова его была сильно поранена, по левому подреберью тянулась глубокая ссадина со следами струпов сурика, так что, возможно, кит пострадал при каком-то столкновении. В конце заметки специалист рассказывал репортеру о привычных местах обитания финвалов и в заключение отмечал, что появление морского гиганта в Рижском заливе следует считать случаем чрезвычайным.

Мне предстояла поездка в Талсы. Заодно решил завернуть в Каугуры. Я почему-то думал, что взглянуть на кита устремятся сотни любопытных. Однако даже местные жители, у которых я спрашивал дорогу, не знали, где его искать. Наконец, один пожилой старожил сообщил мне: да, от кого-то он слышал, будто это страшилище плавает примерно в полукабельтове от конца улицы по направлению к Яункемери.

Серенький день клонился к вечеру. Низкие, дымчатые облака в безветрии силились и никак не могли пролиться настоящим дождем. По-осеннему недвижимый воздух был напитан влагой, она оседала на землю, а серый туман поднимался вверх. Ветки сосен отливали перламутром, будто их только что вынули из воды. И над морем небо низкое, тяжелое, хотя видимость неплохая. Залив слегка рябили волны. Кутаясь в плащи, прячась под зонтами, по пляжу не спеша прогуливались немногие курортники. Резвилась пара собак. В море никто не глядел, никто не подумал остановиться. Примерно в полумиле от рыбоделочного цеха, за третьей мелью, лежало что-то длинное, серое, невыразительное. Лениво набегали и откатывались волны. Совершенно очевидно, для драмы не хватало внешнего эффекта. Жалкие останки крупнейшего в мире существа никого не интересовали.

Кружили, покрикивали чайки, дождь пошел сильнее. Влажный песок потемнел, уплотнился. На переменчиво подвижной линии, где берег соприкасался с прибоем, мельтешили и плясали пузыри и ключья пены, невесть откуда занесенное крошево из хвоща и ситника. И среди этого сора разодранным брюхом вверх качалась красная пластмассовая рыбка, равнодушно посверкивая черными, незрячими глазами.

ЛОШАДЬ НА СТЕНЕ

У меня был день рождения, и, получив зарплату, я помчался домой, прекрасно зная, что у Заны не осталось ни копейки. После женитьбы такое случалось нередко, — зарабатывали так себе, да и денешки текли меж пальцев. Впрочем, это нас мало тревожило. Однако тут, как я уже сказал, был день моего рождения, а к подобным датам люди очень и очень чувствительны. Я летел сломя голову, на ходу вспоминая рассказ О'Генри про молодого мужа, продавшего часы, чтоб подарить жене не помню что для волос, и про молодую жену, в свою очередь, продавшую волосы, чтобы подарить мужу какую-то цепочку для часов. Сообразив, что Зана еще не вернулась с работы, я сам решил накрыть на стол и потому в угловом гастрономе накупил всякой всячины.

Однако жена была уже дома, встретила меня в прихожей самой очаровательной из своих улыбок. Но точно так же, как ни одна из жениных блузок не в силах скрыть того, что круглится под нею, так и сквозь ее улыбку я разглядел смятение и совершенно чуждую моей Зане робость. Более того, вид у нее был чуточку виноватый.

— Милый, только не сердись, ладно? — потихоньку шепнула мне на ухо. — Долго думала, что тебе подарить, но...

— Ерунда какая, — отмахнулся я, — ничего не надо. Правда!

— ...а потом решила подарить тебе лошадь.

— Лошадь? Какую лошадь?

— Старого Цыгана.

Я рассмеялся — вот она какая у меня потешница.

— Нет, серьезно, — продолжала жена. — Она уже здесь.

— Где?

— В комнате.

Вид у меня в тот момент, надо думать, был ошарашенный: мы жили в общей квартире на третьем этаже. Но Зана без дальнейших промедлений взяла меня за руку и потянула в комнату.

В самом деле, там была лошадь. Соловая, с длинной седой гривой, хвостом и большими печальными глазами той блеклой голубизны, что встречается у выросших в сумраке бора колокольчиков. Настенный рисунок был совсем свежий, не успел просохнуть; прикоснувшись к лошадиной морде, я тотчас отдернул руку, — краска прилипла к пальцам.

— И правда, это ты сама?

— Если не нравится, можно соскоблить. А сверху клеевую краску.

— О чем ты говоришь!

На том разговор оборвался. Вкусная снедь из углового гастронома еще лежала в портфеле на полу. Комната была натоплена. Свисавшая с потолка лампочка горела ослепительно ярко.

И вдруг жена взяла меня за руку, как недавно в прихожей, и сказала:

— Рудис, она смотрит. Не забывай, теперь нас трое.

— Да она давно заснула! Смотри, какая смиренная. Лошади спят стоя.

— С открытыми глазами?

— А почему бы и нет?

На всякий случай свет погасили.

Мы с Заной родились и выросли в городе. Мои первые детские воспоминания связаны с шумом: я лежу в постельке, ветер полощет, точно белый флаг, занавеску, а за окном гремит, грохочет, гудит и позванивает улица. Вот я уже «большой», мать поутру ведет меня в детский сад: трамвай переполнен, толчея и давка, меня прижали к стенке, мне хочется смотреть в окно, вместо этого вижу чужие штанины, чулки.

К дому, в котором я вырос, примыкали два других с высоченными стенами и глухими дворами-колодцами — и сумрачный этот массив, напоминавший мрачную древнюю крепость, был обособленным государством. У помоек шныряли кошки; на балконе третьего этажа с утра до вечера, высунув розовый язык, дремал пес по кличке Нерон; стоило высыпать за окно хлебные крошки, как с крыш, хлопая крыльями, слетались голуби. Еще были там темные, сырые подвалы с таинственно гудевшими канализационными трубами, едко-черными угольными бункерами, душными котельными.

У одной стены, будто из камня, поднимался невысокий каштан. Ребята с ним были безжалостны, женщины на его кургузых ветках сушили половые тряпки, но, едва приходила весна, каштан покрывался крупными почками, и такими золотистыми, точно их в мед обмакнули, а цветы цвели чуть ли не пол-года. Теплые грозные ливни на асфальт двора проливались большими, каштановым цветом усыпанными лужами, и в них мы пускали кораблики. А осенью на черную твердь звучно шлепались каштаны и, вываливаясь из колючих скорлупок, лукаво косились на нас своими влажными, карими глазами.

На праздник Лиго мы с Заной одновременно попросились в отпуск; возражений быть не могло, причина уважительная — женитьба. Спуститься на байдарке по речке Салаце было нашей давнишней мечтой. Ночевали в стогах сена, а днем, отдавшись течению, забывав обо всем на свете,плыли вниз по реке, совсем как птицы, парившие над нами, распластав крылья, или влекомые ветром белые пушинки, летевшие, едва не касаясь воды.

За день мы могли никого не встретить, кроме одинокого рыбака на поваленном в реку дереве, пастуха, пригнавшего стадо на водопой, женщины, стиравшей белье, но чаще всего были только тенистые берега, рудо-желтые сырые скаты, журчание ручья, рыбы всплески,

звон стекавшей с ладони воды да мерные хлопки о борт байдарки. И тишина, тишина, тишина. Уха на костре, в золе печенная картошка, восходы и заходы, далекое эхо по вечерам. Зана, тонущая в мягком сене. И опять тишина, опять покой.

На второй неделе зачастили дожди. Речную гладь решетила капель. Ни к чему не хотелось прикасаться, намокшая одежда липла к телу. Нас пробирала дрожь. В первый раз решили поискать ночлег под крышей. Нам повезло: на берегу дремотной заводи стоял, должно быть, самый заурядный деревенский дом, однако, когда вошли в него, нам показалось, мы попали в иной мир. Там и провели оставшиеся дни и ночи отпуску.

Спали на сеновале, где нас от неба отделял лишь тонкий слой драпки. Вокруг вороха пахучего сена, снизу плотный густой дух коровника, шелест дождя по крыше, тяжкие коровьи вздохи, сонное покудахтыванье кур и ранние петушинные песни. Умывались в саду под старой яблоней. Поодаль, потонув в любистке, тмине и крапиве, накренившись, подобно Пизанской башне, стояла дощатая будка с выпиленным на двери сердечком. Ходили босиком. Пили парное молоко.

Хозяйке было восемьдесят лет, и она мне чем-то напоминала побуревший, высохший венок — такой венок я видел в квартире знаменитого актера. Может, потому, что время отняло у нашей хозяйки все, что могло отнять. Но то, что сохранилось, уж не менялось. Худая, усохшая, кожа да кости, она поражала нас бодрым, жизнерадостным духом.

Дочь хозяйки, лет на двадцать моложе матери, в колхозе тоже считалась пенсионеркой. В детстве она сломала ногу, слегка прихрамывала; занимаясь делом, любила насвистывать, а при встрече с нами повторяла одно и то же своим глухим, как из бочки, голосом:

— Я теперь в бригаде не работаю, я теперь на казенных хлебах. Уж разве что у них горит там, ну тогда немного подсоблю...

Но, видимо, у них там вечно «горело», потому что на работу она выходила каждый день.

Зана любила бродить по лесу. Утром, когда, пригретая солнцем, просыхала под ветками роса и земля дышала сыростью; жарким, смоляным духом пахнущим полднем; в час вечерних голубых теней, когда в просветы лесного собора, совсем как в стрельчатые окна храма, падали косые лучи заходящего солнца. Иногда мы вздрагивали от неожиданно выпрыгнувшей из кустов косули или вопля, исторгнутого вороньей глоткой. Спокойно, величаво, занятые сами собой, проходили лоси.

К лесной лужайке подступало клеверище, а на другом конце его был устроен загон для лошадей. В первый раз мы пришли сюда рано утром, прямо под дождем, — штанины засучены, босые ноги в травинках и цветочной пыльце. Лошади сбились в кучу, стояли, понуро

сдвинув головы. Но одна соловая лошадка с длинной седой гривой, завидев нас, подошла и стала что-то рассказывать тихим ласковым ржанием.

За лошадьми присматривал Антон, коренастый обстоятельный старик, имевший обыкновение в разговоре водить пальцем по ладони, будто записывая сказанное.

— Латвийская спортивная лошадь — да это ж клад о четырех копытах! — бойко сыпал он. — Мировой класс, экспортный товар высшего сорта. Легковой машиной кого теперь удивить, вон какие шишки понаехали, всем верхом прокатиться хочется. Говорят, в Англии за хорошую лошадку пять тыщ можно взять. Вот и говорю председателю: не упускать же такой случай. А он затылок чешет, не пробьет никак это дело.

Антон принес седло, но, узнав, что прежде мы верхом не ездили, задумчиво протянул:

— Ну, тогда придется дать вам Цыгана, на нем сиди, как хочешь, хоть задом наперед.

Цыгана редко брали на работу, для него это лето было двадцать вторым.

— Пора уж старичка отдать лисам на ферму, — говаривал Антон таким тоном, что было ясно: Цыгану еще долго предстоит жевать овес насущный в компании колхозных лошадей.

Был он немного мечтательным, а в остальном покладистый коняга. Если и удавалось его загустить ленивой рысцой, очень скоро он сбавлял шаг, косясь на седока, — может, хватит, а? Ах нет? Ну ладно, так и быть, пробегу еще немножко. Всем своим видом он излучал покой. Покоем дышал его взгляд, насилиу пробивавшийся из-под низко опущенных век, покой был в ленивых взмахах хвоста, отгонявшего мух, покой был в мягких губах, — пощипывая траву, он их втягивал, вначале как бы ощупывая травинки или целуя их. На Цыгана даже собаки не лаiali. У него была привычка, положив людям голову на плечо, обдывать их своим теплым дыханием.

Иногда мы с ним расставались в глубокой темноте, мерцали звезды, по низинам стелился туман. Цыган стоял у изгороди загона, стоял, свесив голову, смотрел нам вслед, окутанный лунным сиянием и беспробудной тишиной. Тишина эта пахла лошадьё, сухим клевером, колосившимися хлебами и ночными фиалками.

У нас под окном на улице фонарь, и яркая криптоновая лампа всю ночь озаряет комнату бледно-голубым светом, — мы успели к нему привыкнуть, не замечаем. Засыпая, мы с Заной видели одно и то же: Цыган стоит на своем обычном месте у изгороди, мне даже казалось, я слышу, как кричат коростели во ржи, невидимой с тахты лишь потому, что загораживает шкаф.

Потом было несколько месяцев жуткой карусели. Сессия в институте, на работе запускали в производство новый приемник. По закону,

конечно, полагался отпуск, но попробуй уйди, когда все трудятся как заводные и квартальная премия на волоске. В таких случаях я всегда удивляюсь начальнику цеха старику Буркевичу. «В жизни, как в той пьесе, где все идет шиворот-навыворот, а под конец становится на место. Главное — самого себя не запугать», — обычно говорил он. Конечно, и на сей раз Буркевич оказался прав. Сессию сдал, приемник запустили. Ну, можно дух перевести. Была суббота, не то воскресенье, во всяком случае — выходной.

— А знаешь, женушка, — сказал я Зане, — пойдем-ка погуляем, покружим по городу. Давно мы с тобой не бродили просто так, удовольствия ради.

— Пойдем! — обрадовалась Зана.

Город — моя стихия. Я сказал бы даже так: город — частичка меня самого. Звучит несколько выпендрено, но это правда. Я и не могу припомнить ни одного мало-мальски важного события в своей жизни, которое так или иначе не было бы связано с Ригой. Первый школьный день — иду мимо цветочных рядов на базаре, в глазах рябит от гладиолусов, астр, георгинов, колхозники с грузовиков торгуют яблоками, чуть дальше ярко-зеленая корка, сочная алая мякоть арбузов; похороны отца — по-осеннему сдержанно освещает солнце бульжную мостовую улицы Миера, мятые желтые листья на трамвайных путях; армейская служба — прохваченный ветром перрон, влажные хлопья снега, блестящий от талой воды асфальт и багровое небо над плоской крышей вокзала; встреча с Заной — Старая Рига, хмурый вечер у здания Гильдий, тусклый треугольник света под древним фонарем...

Еще подростком я любил бродить по городу. У каждого из рижских районов свой колорит, свой уклад, свой ритм. Многие ли знают, что в двух шагах от пестрого, шумного торгового центра находится самая тихая, самая дремотная часть города с церковью Якова, с католической курией, с «Тремя братьями» и бывшим лицеем Карла Одиннадцатого? Иногда одну за другой обойдешь все кривые улочки и не встретишь ни единой живой души.

А какое богатство тонов и оттенков у бульжника рижских мостовых! Лишь с первого взгляда камни кажутся одинаково серыми. Синевато-стальные, красно-бурые, желто-пегие, темно-лиловые... Город полон чудес, только нужно уметь отыскать их, увидеть. Сотни раз, равнодушный и бесстрастный, проходишь мимо какого-нибудь здания, но вот однажды глаза твои, казалось бы, обретают совсем иную остроту, и ты замечаешь нечто такое, отчего учащенно начинает биться сердце: то ли это скульптурная лепка или деталь фриза, необычная светотень или неожиданное сочетание материала. В новых городских районах среди стандартных корпусов по сей день еще можно встретить пригородную усадьбу восемнадцатого столетия, — усадьбу, диковинной букашкой в куске янтаря вкрапленную в разрос-

шийся организм города. Очень колоритен и вечно сумрачный, сырой лабиринт мастерских и складов в районе бывшего базара Берга. Толчея, нагромождение зданий там напоминают беспорядочную застройку восточных городов.

Побродить «просто так, удовольствия ради» для нас с Заной означало определенный маршрут, и от него мы не отступали. Однако на сей раз город чем-то мне не понравился. Переутомился я, что ли? Нервы были взвинчены, все меня беспокоило, тревожило, раздражало, все представлялось в темных красках. Впрочем, может, и не все. Но то, что бросалось в глаза, что лезло в голову.

Улицы казались донельзя многолюдными, прохожие толкались, задевая друг друга. Какие-то люди неслись сломя голову, что-то искали, за чем-то гонялись. И все это плыло и плыло, точно вода через сито.

— Что ж, обычное явление, урбанизацией называется, — шагая рядом, с легкой душой рассуждала Зана, настроение у нее было прекрасное. — И чего ты, милый, так волнуешься? По данным ООН...

— Интересно, чем это кончится. Улицы, что ли, станут строить в несколько этажей?

— Очень может быть.

Теперь уж меня раздражал и мокрый снег. И дождь, кропивший смешанную со снегом черную жижу. И мокрые пятна на стенах, неровный асфальт, затопленные трамвайные рельсы, витрины в грязных отеках, нещадно скрипящие тормоза.

Настроение все больше падало. Ничто мне уже не нравилось в этой каменной пустыне. В душе я даже удивлялся, как это я мог столько лет считать Ригу красивым, милым и удобным городом.

— Смотри, уже продают первые весенние цветы! — Своим веселым восклицанием Зана прервала поток черных мыслей.

Пока разыскивал по карманам мелочь, заметил, что башмаки у сизоносого старика вконец промокли; на мысках беловатые, будто мелом подведенные дужки. Это от соли, которой дворники посыпают тротуары. Зимой мы ходим по мокрой соли, понемногу соль проникает в землю, добирается до корней деревьев, разъедает их. Прибавьте сюда выхлопные газы бесчисленных машин и мотоциклов, превращающих и без того тощий городской воздух в отраву замедленного действия. Вспомнилась прочитанная где-то заметка о том, что в центре города в часы пик у обитателей двух первых этажей нехватка кислорода превышает допустимые нормы. Ну, конечно, Риге еще далеко до таких исчадий цивилизации, как Токио, Лондон или Нью-Йорк, где полисменам-регулирущикам приходится глотать воздух, точно окуная, выброшенным на песок, и время от времени бегать подышать кислородом у специальных автоматов, а если забудут это сделать, валяются с ног как подкошенные. Но и в Риге автопарк растет на глазах, и все ощутимей в воздухе сладковатый перегар бензина. Особенно

в такие дни, как этот, когда плотные, тяжелые облака едва не касаются крыш...

— Пойдем-ка лучше домой,— сказал я.

От удивления Зана даже остановилась.

— Тебе нездоровится?

— Да нет! Просто скверная погода, и толкаться в этом многолюдье...

Она приложила свою теплую ладошку мне ко лбу, а глаза искали действительно объяснение моим словам.

— Вид у тебя бледный. А лоб холодный.

— Успокойся, все в порядке, честное слово. Что-то расхотелось гулять, только и всего.

— Ну, хорошо,— проговорила Зана.— Если расхотелось, пошли домой.

Она все же ничего не поняла. Шла рядом и молчала, замыкаясь в себе, даже как будто становясь меньше ростом. По крайней мере так мне казалось. Зана всегда молчит, замыкается в себе и становится меньше ростом, когда ее обидишь. Мне сделалось грустно, я чувствовал себя виноватым, и жаль было Зану. А в душе какая-то дурацкая досада на самого себя, на Зану, на весь белый свет.

В таком настроении мы вернулись домой. Молча отряхнули мокрые плащи, переобулись. Сосед, получивший накануне зарплату, у себя в комнате распевал про амурские волны, у Марфы Сергеевны вопил маленький Петя, у Нейманов тьякала одна из собак.

— Сейчас поставлю чай,— сказала Зана.

— Спасибо, не надо.

— Нет, нет, поставлю!

Она уходит на кухню. А я, заложив под голову руки, ваюсь поперек тахты. На миг опускаю веки, перед глазами плывут круги и точки. Потом вдруг вижу Цыгана.

С тихим, ласковым ржанием он стоит на своем обычном месте у изгороди загона. Вечер синевато-зеленый, смиренный, душистый. Цыган кладет мне на плечо голову, дышит в ухо. Его губищи, пощекотав шею, скользнули ниже, к нагрудному карману рубашки, где я повадился носить сахар.

— Лошадь, она животина умная,— говорил Антон,— все понимает. С лошадью и разговаривать можно. Только подход нужно знать.

Распустив по ветру гривы, бегут к нам и другие лошади, становятся рядом с Цыганом, вытягивают морды за сахаром. Цыгану это не нравится, он топорщит уши, недовольно фыркает, отгирая остальных боками.

— Ах, Цыган, какой ты невоспитанный,— выговаривает ему Зана.— Плохая лошадь, совсем плохая.

Пристыженный Цыган отворачивается и все же нет-нет да и глянет в мою сторону.

Раздав сахар, звучно шлепаю жеребца Юкиса по крутому крупу. Табун с громким топотом скачет в дальний конец загона. Цыган остается. Над лесом поднимается румяная луна, Антон у загона зажег костер и что-то колдует, крутится вокруг него. Мы с Заной по росе бредем к дому. Во тьме мелькают светлячки.

Зана возвращается с горячим чаем, я ее усаживаю рядом с собой на тахту. Она что-то хочет сказать, я знаками даю понять, чтобы молчала.

По речке Салаце, плеская веслами, кто-то плывет, негромко напевая. Вдали заливается лаем собака. Речка серебрится в лунном свете, стелется дымка. Мы входим во двор. Дорожка от дома в коровник хорошо утоптана, гулко отдаются шаги босых ног. С сеновала, точно от огромного букета, тянет запахом цветов и трав.

— Запомни,— шепчу на ухо Зане.

— Запомню,— легким кивком отвечает она.

Укрылись простынями, сверху еще набросали сена. Холодно, оба дрожим. Снизу слышится тяжкий вздох коровы, над головой, сквозь щели в крыше, голубеет небо, мерцают звезды. Сон приходит быстро, мы засыпаем, беспечные, счастливые.

Иногда Цыган месяцами оставался на стене просто красочным пятном, и мы не замечали его. Темно-соловая масть со временем слегка выцвела, стена запылилась, потемнела. Да и много ли бываешь дома. Утром встанешь, спешишь на работу. Четыре вечера в неделю у меня занятия в институте. Зана поет в хоре. Еще кино, спектакли. По натуре мы оптимисты, и, не случись что-либо очень уж неприятное, жизнь нам кажется прекрасной, мы любим друг друга, чего еще нужно.

Потом наступал день, настроение по той или иной причине падало, оптимизма как не бывало, в голову лезли мрачные мысли, все виделось в темных красках — и тогда он был тут как тут, с тихим ржанием рассказывал про лунную гладь речки Салаце, про закаты над притихшим лесом, про гулкие шаги босых ног на утоптанной тропинке от дома к коровнику, про запахи созревающей ржи в тот поздний час, когда кричат коростели и в раскнутые белые покровы тумана беззвучно скатываются звезды.

— Помнишь?

— Да.

Мы с Заной родились и выросли в городе. Должно быть, в городе и умрем. А Рига — прекрасный город, наш город. Несмотря на всю соль и дым, Рига хороша своим ясным солнечным небом, отмытым и влажно блестящим булыжником в апрельские утра, первым снегом на черных скатах горки Бастейкалн, пестротой осенних листьев на бурых водах канала, мерцанием неоновых огней. И все же для нас очень важно знать, что где-то далеко, совсем в ином мире обретается Цыган, чей взгляд излучает покой. И где-то там далеко есть речка Салаце с лунным блеском и лес с величавыми лосьями и пугливыми

косулями. А может, это и не так уж далеко. Может, это частица нашего мира, частица, которую ни в коем случае нельзя потерять.

О том, что у нас в коммунальной квартире собираются предпринять грандиозный ремонт, разговор уже велся давно. И вот как-то, вернувшись домой, мы застали в коридоре незнакомых людей. Они заглядывали во все углы, шелестели планами, делали обмеры, что-то записывали, спорили между собой. Добравшись до нашей комнаты, они прежде всего оглядели стену, на которой был Цыган.

— Хорош, а? — сощуриив близорукие глаза, проговорил наш единственный из всей компании знакомый техник-смотритель.

Мы с Заной застенчиво улыбнулись друг другу. Остальные сосредоточенно разглядывали стену.

— Батарейку ставим здесь, — объявил человек, у кого в руках были планы, и черкнул Цыгана пальцем по ногам. — Входная труба — здесь. — Его палец проехался по гривастой шее.

Тут же кто-то провел в указанном месте синим мелом жирную черту.

— Пойдите, что вы делаете! — Зана так цепко схватила отмечавшего за локоть, что пиджак треснул по шву.

— А нельзя ли батарейку отодвинуть подальше в угол? — попытался я заглядеть резкий выпад жены.

— Да вы что, шутите? — Техник-смотритель искренне удивился. — План утвержден, смета составлена. Так что не взыщите. Послезавтра начинаем стены долбить.

Для нас это был один из самых грустных вечеров. Я заснул в половине третьего. Зана все еще читала газету. Вернее, делала вид, что читает. Я видел, она то и дело вскидывала глаза поверх газеты и смотрела на перечеркнутого мелом Цыгана.

На другой день вечером взяли банку побольше, развели в ней белую клеевую краску.

— Да стоит ли? — возражал я. — Все равно после ремонта придется стены перекрашивать.

Но Зана уже махала кистью.

— Нет, — сказала она, — уж лучше пусть они долбят штукатурку, а не Цыгана.

Стену мы белили по очереди. Белая краска ложилась плотно, точно густой вечерний туман, и казалось, Цыган постепенно теряется в нем, до последнего момента не спуская с нас дружелюбного, смиренного взгляда.

Было тихо-тихо. Кто-то плыл по речке Салаце, напевая негромко. Во ржи кричал коростель, где-то лаяла собака. И долго еще я слышал топот копыт удалявшегося Цыгана, потом все стихло.

Но он вернется, непременно вернется. В этом я не сомневаюсь. И опять будет стоять на прежнем месте у изгороди загона, окутанный тишиной и лунным светом.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Большая рыба. <i>Повесть</i>	3
Лошадь на стене. <i>Рассказ</i>	39

Зигмунд Янович Скуинь

БОЛЬШАЯ РЫБА

Редактор Д. К. Иванов.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 20.01.83. Подписано к печати 18.04.83. А 00659.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,16.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 879. Зак. № 135. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

РЕМОНТ ШВЕЙНЫХ МАШИНОК

ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ШВЕЙНАЯ МАШИНА,

Вам необходимо знать, что...

механические и электрические

ШВЕЙНЫЕ МАШИНЫ

отечественного производства

принимают в ремонт мастерские

производственных объединений

«Рембыттехника».

Исправность отремонтированных деталей

гарантируется в течение шести месяцев.

Росбытреклама